

Азанова А. М.

БЫЛИ ОДНОЙ ЖИЗНИ
ИЛИ

МОЯ АТЛАНТИДА

16+

Александра Азанова

**Были одной жизни,
или Моя Атлантида**

«Автор»

2020

Азанова А. М.

Были одной жизни, или Моя Атлантида / А. М. Азанова —
«Автор», 2020

Моя книга не поразит острыми сюжетными ходами, детективными историями, философскими рассуждениями. Собственно, это даже не книга в обычном смысле – она рождалась так, как рождается растение: постепенно, листочек за листочком. На рабочем месте в медучреждениях свободных минут немного. И домашнее хозяйство, семья оставляют женщине совсем мало времени для творчества. Самая «обычная» жизнь. Трагические и комические, горькие и смешные случаи женской судьбы. Но сколько же мужества, настоящего героизма эта обыденность требует от маленькой девочки-несмышлёныша, юной женщины в беспощадном мире, женщины-матери, ежесекундно переживающей тысячи страхов за детей и близких. На обрывках из школьных тетрадей, на бланках и рецептах записывала я свои воспоминания. Об этом просили дети. Воспоминание – листочек деревца моей жизни, маленький рассказ. Как вспоминалось, так и записала – без хронологии: летописцев без меня хватит, а мои воспоминания могу передать только я. Может быть, кому-то будет интересно.

© Азанова А. М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Я есть	7
Полку лекарей прибыло	10
И смех, и слёзы	11
«Ворон»	12
Берёза у церкви	13
Одинокая в грозу. Страшно!	14
Половодье в Дедюхино	16
Щука	18
Школьное сочинение по фильму «Чапаев»	20
Как трава сквозь камень	21
Папин доктор	23
Милый, милый Васька	25
К бабушке богатушка	27
Челюсть	28
Кто смеётся последним	29
Овсянников	30
Ешьте меня, волки	31
«Коршун»	33
Тартарара	34
Дважды спасённая	35
Ужас в овощной яме	37
Первоапрельская шутка	38
Неблагодарный подкидыш	39
Пуганая ворона и куста боится	40
Урок «русского» языка, или мужик в луже	41
Плот подвёл	43
Яишница в кармане	44
Тыква	45
Земля прыгает, или пьяная кроха	46
От жилетки рукава	47
Акулина Семёновна	48
Русские кукарачи	50
Сваха, или людоедские страсти	52
Пакля и мои волосы	54
Обманула муху	56
Петля над полом	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александра Азанова
Были одной жизни, или Моя Атлантида

Мне двадцать лет. 1945 год.

Я есть

Сперва, как я родилась, я была Куклина Шурка, кто как хотел, так и называл меня: кто Шуркой, кто Сашкой, кто Сашенькой. Я родилась в 1925 году, 4 мая, но не знаю, в каком часу дня или ночи.

Я очнулась в возрасте двух лет. Это случилось поздней осенью, в ноябре месяце. Кама уже встала. Семья переезжала в Дедюхино, в мамину половину бабушкиного дома. Помню, как папа вынес меня из избы на холодный воздух, летели снежинки. Он обошёл лошадь со стороны её морды, и передал меня в руки мамы, сидевшей с моей старшей сестрой Риточкой в снях, под тулупами. Я успела высунуть руку из под тулупа и ловила снежинки, но мама спрятала меня всю под шубу. Там было тепло и уютно, и я быстро уснула под толчки и ритм движения саней.

Проснувшись, я оказалась лежащей на кровати, напротив была большая белая русская печь, – я тогда ещё не знала, что это именно была русская печь. Я видела большое и белое, и там – на этом большом и белом сидела большая девица и корчила мне страшные рожи. Я испугалась и заревела. Это вызвало смех девицы, которая оказалась моей сводной сестрой, Клашей, Клавдией Михайловной, урождённой Куклиной, дочерью моего папы от первого брака. Её мать, Татьяна, умерла, когда Клаше было три года.

Итак, я познала своё бытие. Я заревела от рож моей сестры, бывшей на семь лет старше меня, ей было уже девять. В комнате кроме нас с ней никого не было. Вдруг, с её стороны, то есть с печи, что-то просвистело по воздуху и шлёпнулось мне на голый зад. Я схватила это что-то рукой, и в руке у меня осталось белое и липкое. Я этим измазала постель. Оказалось впоследствии – это тесто из квашни, что была поставлена моей мамой для выпечки хлеба.

Много времени утекло с тех пор, но всё ясно хранит память.

Клашка была очень бойкая, здоровая девочка. Она успевала, и это ей доставляло большое удовольствие и радость, делать мне маленькие пакости. Когда я немножко подросла, стала принимать её проделки молча, как «подарок» судьбы. У меня оказался такой выдержанный характер, что впоследствии я сама же и удивлялась своему терпению.

Я помню, как на мой крик прибежала мама. Не сохранился в памяти тот её образ, но помню фигуру, торопливые движения, голос. Мама пожурила Клашку, та быстренько убежала. Маме пришлось делать уборку постели.

Потом помню ещё такой случай: уже в комнате были сумерки, и комната была другая (впоследствии я узнала, что в доме их было две – большие и обе светлые), я проснулась в люльке, свисающей с потолка, привязанная верёвкой к тонкому стволу берёзки, называемому оцеп. Проснувшись, я заплакала, а качала меня опять же сестрица Клаша. Она начала дразнить меня языком и передразнивать мой плач голосом. Вдруг, верёвка, на которой висела люлька, порвалась, и я вместе с люлькой упала на пол. Я закричала: «Мама!» Клашка начала волочить меня в люльке за верёвку, я всё кричала маму, а сестра дразнила: «Дырама!» И опять, мама, резвая, торопливо вбежала, а сестру как ветром сдуло.

Я помню как мама часто (я, видимо, была болезненным ребёнком) одевала меня, раскладывала на большой кровати одеялко, укладывала меня, заворачивала. Я очень спокойно складывала ручки, ножки, ожидая конца одевания. Потом она брала меня на руки, и мы выходили на улицу. Мне очень нравилось спускаться с крыльца: оно было высокое, большое, с трёх ступеней. И когда мама ещё только собиралась спуститься, я видела небо и большой, серый высокий забор. И когда она спускалась, мне казалось, что мы летим. У меня захватывало дыхание от восхищения полёта!

Мне скоро стало очень неприятно посещать лечебное заведение. Там были неприятные процедуры.

Была, например, такая: мы с мамой сидели, как в любой больнице, в очереди, там были больные – и старики, и женщины с детьми – они тоже ожидали своей очереди к врачу. Разговаривали вполголоса о своих болезнях, о всяких случаях, но я не понимала серьёзного смысла их беседы: я переживала о том, что мне сделают там, в кабинете. Когда подошла наша очередь, и мы вошли в кабинет, мама меня раздела догола и поставила на стол. Мне подмышку сунули что-то прозрачное, такое удивительно светлое и холодное, а мама велела стоять спокойно и не выронить «это». Я преисполнилась какого-то чувства, близкого к благоговению. Я «это» достала из подмышки, тихонечко посмотрела, пока взрослые разговаривали, и штучка эта меня просто заворожила. Она казалась мне живой, всё понимающей.

А потом меня стали осматривать, это было очень неприятно.

У меня открывали рот, что-то закапывали в глаза, в нос. Я кричала.

После посещения больницы дома мне опять же закапывали капли, куда только нужно и не нужно. И уж тут маме приходил на помощь папа. Я помню его сильные руки, из которых я не могла вырваться, сколько бы не билась. И это было часто. Видимо, я часто болела.

Вскоре я узнала, что у меня есть ещё сестричка. Это была Маргарита, Риточка, как её называла мама.

Рита была старше меня на один год и девять месяцев. Я узнала о её существовании таким образом: стану подходить к маме, а красноголовая девочка меня отпихивает, кричит, что мама – её. Тогда мама ей говорила: «Риточка, это твоя маленькая сестричка, Сашенька!». Снова кричала красноголовая девочка, отталкивая меня, отпихивая ногами.

Мы некоторое время жили в старой половине дома, а дом был построен нашей бабушкой, Анной Григорьевной, маминой мамой, но в то время её уже не было живой. В другой половине дома жила мамина сестра, тётя Клаша. Жила она с маленьким сынишкой, Володей, чуть постарше или даже ровесником мне. Володя, как все мальчишки, был большой проказник, часто обижал меня, отнимал игрушки, поколачивал. Я, конечно, как все маленькие девочки, ревела. Володю призывали к ответу, и он просил у меня прощения: обнимал меня, маленький плут, чтобы избежать наказания. Он говорил: «Сулочка, милая, плости, я больше не буду!» А потом всё начиналось сначала.

Дом был очень большой, двухполовинный, соединённый большими общими сенями. В нашей половине сеней был холодный, но оригинальный туалет. В новой, Володиной, половине сеней туалета не было. А Володя всё время (его даже ни разу не поймали на месте преступления) ухитрялся завязать дверь туалета на верёвочку. И часто поднимался переполох, когда кто-то хотел войти туда срочно. А Володя хохотал в это время, наблюдая. Поэтому и знали, что эти проказы – его рук дело. А ещё он ухитрялся прятать наши обеденные ложки, да так хитро, что бегали, искали, упрасивали Володю сказать, куда спрятал. Особенно было маме хлопотно, когда папа приходил на обед, а ложек нет. Тётя Клаша даже наказывала его, пока он был здоров. Бедный маленький проказник умер, когда мне было около четырёх лет.

Мне помнится похоронная процессия. Мама несла меня на руках, и мне почему-то казалось, что мы шли задом наперёд. Тётя плакала, мама утешала её. Было лето. По дороге от дома до могилки все бросали цветы. Цветов было много. Даже папа после говорил, что ему не хватает Володиных проказ. Мне его очень не хватало.

Тётя Клаша была больна чахоткой. Она в гражданскую войну уехала с мужем, офицером белой армии. При отступлении сперва в Сибирь, потом ещё куда-то, где-то его потеряла и вернулась уже без мужа, больная, с ребёнком.

Я помню, как часто мама шила нам с сестрой новые платица. Она шила их неудобными при ношении: то очень узкие рукава, то очень широкий ворот, так, что мы просто вываливались из ворота. Но мама все равно шила следующее с какой-нибудь другой, новой ошибкой.

Я помню, как мама носила меня в баню и как я сильно голосила, когда снимали с меня платице, а ручонки вытащить не могли – они уже вспотели и прилипли к ткани.

Я помню летние чаепития на свежем воздухе, в огороде. Мама расстилала скатерть, расставляла чайные чашечки, тарелочки, – всё это была красивая фарфоровая посуда с чудесными рисунками, разными цветочками, я любила их рассматривать. Папа приносил самовар, был обязательно к чаю ароматный мёд. Мы с Ритой ползали, возились в душистой цветущей траве. Я помню, как стрекотали кузнечики, жужжали стрекозы. Беспредельное счастье бытия ощущала я.

Ещё было огромное веселье, когда мы переселялись в новую, Володину, половину дома.

Но этому предшествовала смерть Володи, новое замужество тёти Клаши – потом у неё родилась девочка, вроде бы Валя, затем похороны этой девочки, похороны тёти Клаши. Когда она слегла от горловой чахотки, маме пришлось ухаживать за ней, да и за нами. Тётя сосала лимоны, корочки бросала на пол, мы с Ритой их подбирали и тоже сосали. Мама не успевала уследить. Мы обе инфицировались туберкулёзом. Мама давала нам пить рыбий жир, который не дал заболеть по-настоящему.

Мне же запомнилась свадьба тёти Клаши с Унжиным, её вторым супругом.

Нас троих – меня, Клашку, Ритку, мама с папой, уйдя на свадебный вечер к тёте Клаше, закрыли в нашей половине дома. Клашка от огорчения, что нас закрыли, принесла с кухни столовые ножи, дала и нам с Ритой по ножу, и мы этими ножами проковыряли моховую прокладку между брёвнами и, вероятно, поковыряли гостей. Там умолкли песни, прибежали папа с мамой и нам, конечно, попало. Но мы уже успели нахохотаться, обозревая через щель пёстрое общество.

В новой половине я первым делом сильно поранилась: села на обломок стекла от настольной керосиновой лампы, которую сломала Клаша. Мама бегом бежала со мной в больницу. Стекло вытащили, но рана долго не заживала. Перед сном мама смазывала больное место свежим сливочным маслом. Остаточек от масла я выпрашивала у мамы и думала про себя, что этого масла я могла бы съесть много-много. Оно мне очень нравилось.

Полку лекарей прибыло

Я родилась, чтобы стать врачом. Чтобы у людей было меньше страданий. У родных же моих и близких к семье соседей всегда что-нибудь болело.

В два года от роду я поняла, что я – есть, что я – существую. Но, вероятно, и у меня со здоровьем были нелады. Я родилась недоношенной семимесячной крошкой.

Мама часто носила меня в больницу к фельдшеру Бедо, старику с седой головой. Сидя со мной на диване в очереди к кабинету, больные старушки жаловались одна другой на свои хвори. Одна говорила: «Ой, беда, ноги болят!» Другая вторила ей: «Ой, беда, спину больно, не разогнусь!» И другие стонали. У всех что-то болело.

Подходила наша очередь, мама раздевала меня и, почему-то, ставила голенькую на стол перед Бедой. Подмышку мне совали градусник, свободной ручонкой я хлопала себя по голому, плотненькому животику и крутила глазёнками по стенам кабинета, по шкафам с блестящими штучками. Мне хотелось их подержать в руках, узнать, что это, для чего? Пока мама объясняла Бедо о моём здоровье, убедившись, что на меня не смотрят, я достала градусник и долго его рассматривала. Он зачаровал меня. Интересная, загадочная, прозрачная штучка, что может знать она обо мне, для чего её воткнули мне под руку и велели плотно прижимать, не уронить? Мне это было нужно знать. Я спросила взрослых об этом, а на меня мама закричала, зачем я взяла градусник, – его можно уронить на пол, изломать!

А потом старик-фельдшер заглядывал мне в рот, в горло, в глаза. Мне не нравилось всё это, я вырывалась. А после, дома, мама закапывала мне в глаза и нос капли, я буянила и кричала.

И я решила сама стать врачом, лечить людей. Пока мама была занята делами, я собрала несколько свободных стеклянных флакончиков, в некоторые налила воды. Среди флаконов каким-то образом попала красивая бутылочка с крепкой уксусной эссенцией. А уж в это время мне исполнилось три года. Я созвала подружек, таких же глупышек, как я. Мы стали играть в больницу. Я – врач! Нам было весело.

И вот, надо же, пришла к нам в это время соседская девочка, Клаша Мальцева, конечно, сейчас, наверное, её уже нет в живых. Ей было тогда тринадцать лет.

Она засмотрелась на нашу игру, встала в очередь к «врачу», а когда очередь её подошла, она жалуется: «Ой, беда, – ноги болят!» Я дала ей бутылочку с уксусной эссенцией. Я не знала, что это такое, – просто понравилась бутылочка, попавшая на глаза. Я с достоинством, как это делал на приёме старик-доктор, говорю Клаше: «Придешь домой, натри ноги этим лекарством». Отпустила «больную» домой.

Она и верно, дома натёрла ноги не разведенной уксусной эссенцией. Вечером бежит её мать к нам и жалуется маме на меня: «Твоя-то девка моей дала эссенцию и велела натереть ею ноги!»

Моя мама испугалась. Ноги у Клаши, со слов её матери, покраснели и распухли! А меня как ветром сдуло, я убежала от взрослых, поняв, что сделала что-то плохое. Я спряталась под одеждой в прихожей и слушала разговор мам. Соседка, сильно рассерженная, ругала мою маму не шутя.

Тогда моя мама сказала: «Твоей девочке тринадцать лет, моей только три! Скорее смажьте ножки Клаше любым маслом и обратитесь к Бедо!»

Женщина ушла, я сильно жалела Клашу. Ножки её болели недели две.

Я поняла, что лечить надо осторожно...

Мама сказала мне: «Чтобы лечить, прежде надо долго учиться!» И я решила, что буду учиться.

И смех, и слёзы

Было это давно, лет сорок назад. Я была молода, и только что приступила к своей медицинской практике. Желание облегчить беды человеческие появилось в раннем детстве.

Вот мечта сбылась, я сижу на приёме, в маленькой сельской больничке. Я сосредоточена и серьёзна...

«Следующий!» – произношу я и гляжу на входную дверь.

Вошла пожилая колхозница из ближней деревеньки.

«Садитесь!» – приглашаю женщину ласково, придвигая ей поудобнее стул. Приготовилась к записи в дежурном журнале. Спрашиваю фамилию, как зовут, на что жалуется. «Раздевайтесь до пояса» – говорю ей, не глядя на неё: я записываю её жалобы. Записав, оборачиваюсь к больной: сидит, пригорюнившись, собрав одежду подмышки, оголив зад и живот до груди!

«Ну, шшокоти буди!» – приглашает она меня. И так её вид, и её приглашение «шшокотить» рассмешило меня, что я не справилась и расхохоталась.

Женщина глядела на меня с удивлением. Нахохотавшись, я говорю, что у доктора сначала раздеваются до пояса сверху! А уж, если будет нужно, тогда только переходят далее.

Оказалось, – женщина впервые в больнице. Жила себе и жила в свои шестьдесят лет, не жалуясь на здоровье. И заплакала, обидевшись на мой смех. Пришлось мне извиняться: я же ещё не видела, чтобы без необходимости сразу оголяли нижнюю часть тела.

«Ворон»

Я уже имела медицинского стажа четыре года, работала на прежнем месте, на железнодорожной станции. Там случалось много случаев из жизни местного населения и проезжающих. Случаев трагических (с поездами шутки плохи), а порой и очень смешных.

В июне месяце поздним вечерним поездом мы вчетвером везли тяжелобольную женщину в межрайонную больницу для стационарного лечения. Больная в состоянии глубокой сердечной декомпенсации, осложнённой асцитом.

Я – на седьмом месяце беременности, наши животы одинаково привлекают внимание, только разница в возрасте, да я на ногах. Я очень озабочена состоянием больной: я отвечаю за её жизнь!

Поезд остановился на нужной станции. Нас должны встретить медработники с носилками. Мы всегда заранее договаривались об этом по селектору. Больных туда возили часто, по необходимости. На этот раз нас не встречают. Поезд стоит долго, два часа, затем возвращается в Пермь. Двое из медработников ушли торопить носилки. Я и ещё фельдшерица остались при больной. В вагоне свет отключили, только луна светит в окно.

Вдруг в вагон забегает короткий толстый человек, руки в стороны, взмахивает ими, как крыльями и громко каркает, высоко при этом подпрыгивая, как бы собираясь взлететь. Большими прыжками подскочил к нам, и взгляд его почему-то привлекла наша больная. Перестав каркать, он склонился над ней и, неожиданно для нас, ткнул кулаком ей в живот! И ещё размахивается для следующего удара! Больная охнула.

Я подскочила к нему, успела схватить за руку. Он оборачивается ко мне, видит мой живот и тоже что-то замышляет не доброе.

Человек явно не нормален. Моя напарница-фельдшерица и санитарочка в ужасе спрятались за мою спину. Я встала между больной и «Вороном» – так он себя назвал, и тихо, ласково стала говорить с неожиданной «птицей»: «Тише, тише милый, не трогай наши животики, у нас там маленькие деточки, мы приехали в больничку, не обижай нас, ты хороший мальчик!» И чудо свершилось: он заговорил со мной тихим голосом. Показывает пальцем на мой живот и на живот больной, я трепещу от страха, вдруг изуродует меня? Защитить некому, я же защищаю всех, кто со мной. Слава богу! Слышим топот многих ног и голоса. За нами пришли! У меня подкашиваются ноги от пережитого.

Выговариваю подруге, что спряталась за меня, а ответственность за больную несём поровну! Да что с неё взять – еле жива от страху! Пока разбирались – «Ворон» улетел! Больную унесли на носилках.

Берёза у церкви

Прямо перед окнами нашего дома, за речкой, стояла церковь, старинная – люди говорили, что ей больше ста лет. Красивая, высокая, с золотым ангелом на шпигеле. А колоколов на её колокольне было штук двадцать или тридцать. Кинула церковь в Лету, как и весь мой родной посёлок. Затопило Камское море.

Сидели мы летним вечером дома с папой вдвоём. Было мне семь лет. Откуда-то налетели тучи, покрыли всё небо сплошной темнотой. Засверкали молнии, загрохотал гром. Окно было распахнуто настежь. Папа любовался стихией и мне было весело смотреть. Я ещё не умела бояться грозы, не понимала её страшной силы. Дождь полил сплошным потоком. Вдруг стрела молнии пронзила вековую берёзу, которую я очень любила. Я любила влезать на неё, прятаться в её густых ветвях и смотреть на прохожих, зная, что меня они не видят. А когда, в самом начале весны, только-только распускалась зелёная листва, множество майских жуков летало в её ветвях. Их жужжание заглушало все другие звуки.

И вот! Берёза вспыхнула, как огромная свеча, потоки дождевой воды не могли залить огня. Зрелище было настолько восхитительно для меня, я видела это впервые! Папа громко захохотал, откинув назад голову.

Сквозь смех он говорил, что, вот, бог сам решил сжечь красоту, украшающую его святыню. Мне тоже вдруг передался папин смех и я расхохоталась, поняв, что святой огонь бушует в святом месте.

Берёза горела, мы хохотали!

Вдруг удар кулаком в мой затылок заставил меня оглянуться! Мачеха вошла так тихо, я и не услышала. И поток брани полился на меня за безбожие. Веселья как не бывало!

Папа объяснял ей, что бог сам поджёт берёзу в церковном саду, значит, место это для него ничего не значит.

Я молчала...

Одинокая в грозу. Страшно!

Прекрасная весна года. Прекрасная весна моей жизни. Мне восемнадцать лет только-только исполнилось на днях.

Ростом я малюсенькая, никто не верит в мои года. А я такая гордая: я-то знаю – я взрослею, и впереди меня ждёт много замечательно интересного! Моя страна ведёт жестокую битву с немецкими ордами. Я уже внесла свою маленькую каплю труда в общее дело борьбы за Победу: полтора года шила для доблестных фронтовиков одежду – шинели, гимнастёрки, брюки-«галифе» для офицеров, плащ-палатки, противогазные сумки. Потом меня взяли медсестрой в эвакогоспиталь. У меня за плечами медобразования было два курса фельдшерского отделения медтехникума. Тут уж я всю душу отдавала, помогая врачам ставить раненых на ноги, возвращать их в ряды бойцов на фронтах. А сейчас судьба меня забросила в такую глухомань, в деревеньки, разбросанные в дремучих лесах Нердвинского района Пермской области. Там фельдшером работала моя старшая сестра Рита.

Была вторая половина мая месяца 1944 года. Я увезла маме пуд муки в наш родной посёлок Дедюхино, что от города Березники в семи километрах. Я работаю санитаркой при сестре. Она – заведующая фельдшерским пунктом. Уже шестой месяц она распоряжается моим временем и мной. Она главная, я у неё в подчинении. Она жестокая, меня бьёт и унижает. Видимо, ей доставляет это огромное удовольствие.

Я всё терплю, но знаю: моё время придёт и я покину злую сестру.

И вот сейчас, без всякой жалости она послала меня к маме с мукой, пешком. Я несла муку в мешке на плече, то на правом, то на левом, меняла плечи по мере усталости. Мы шли втроём. Вожаком был старый, но ещё сильный дед Ерёма, я и девочка лет тринадцати, сирота, пробирающаяся в город для устройства своей судьбы.

От деревни Марково, где мы с сестрой работали, до Слудки, портового городка на Каме, расстояние не малое, идти на «своих двоих» шестьдесят километров. Дорога всё лесом, не дорога, а тропинка. Она, как ниточка, петляет между деревьев, мало заметная, известная лишь знатоку. В лесу ещё не весь растаял снег, небольшие участки голой земли с талой водой пережегались с сохранившимся снегом. Ноги постоянно увязали в жидкой грязи, на снегу оставляя чёрные следы.

Дед мне то и дело показывал приметы тропинки, чтобы я на обратном пути не сбилась и не ушла в другие края. Я старательно запоминала. Некогда было любоваться красотой просыпающегося к жизни леса.

Могучие ели стояли по краям тропинки. Зайцы, меняющие белые шубки на летние серенькие, лохматые, с клочьями болтающейся зимней шерстки, не однажды пересекли нам путь. От неожиданности мы вздрагивали, пугались, а потом хохотали. За день мы прошли сорок километров, до села Ильинское. У меня ступни ног раздирала страшная боль. Я думала, что при следующем шаге упаду. Старик подбадривал, уговаривал поднатужиться.

А в лесу стало темно-темно! «Ничего, – говорил дед, – сейчас придём к моим знакомым, отдохнёте, ножки молодые за ночь отойдут от боли, утром будут, как новенькие...» Хотелось верить, но не верилось. Вот и избы долгожданные. Дед заговорил с хозяином, а мы, две девочки, валились с ног, не ожидая разрешения хозяина. Нас приняли на ночь.

Я упала на пол, где стояла, в чём была – так и уснула!

С рассветом дед разбудил нас. Хозяин дал кипятка и горячей варёной картошки. Скоро заблестели лучи солнышка и стало весело на душе.

Старик утешал нас, что осталось “только” двадцать километров до пристани, успеем к пароходу. Ноги и впрямь за ночь отдохнули. Мы пошагали.

Дорога от Ильинска была широкая, проезженная. Идти стало легче. Мы, действительно, успели к пароходу, плывшему вверх по Каме.

Мы все, трое, третьим классом, поплыли каждый к своей цели.

Я прожила у мамы три дня, снова села на пароход и поплыла в обратный путь, вниз по Каме до Слудки. День и ночь на пароходе, на палубе четвёртого класса, и я сошла на берег знакомого уже городка, Слудки.

Одна неделя, что прошла со дня путешествия с тяжёлым мешком на плечах, а как изменилась природа! Не узнаваемо: вокруг всё позеленело, дорога просохла. Я бежала налегке, руки у меня были свободны, я размахивала ими, как крыльями, мне это ускоряло путь.

Я не шла – я летела, бежала бегом. Попутчиков не было. Дорога до Ильинска была прямая, никаких отворотов, ничто не мешало мне. До Ильинска добежала быстро. Вовсю светило солнышко, я бежала босиком, в каждой руке по башмаку. Еды уже не было. Что дала мне в дорогу мама, давно съела.

Ильинское осталось далеко позади. Было часа два-три дня. Я уже шла по той узкой тропе, приметы которой были памятны со слов деда Ерёмы, и надо было следить за отворотами, что ведут в другие места, не куда надо.

Я не заметила, как небо покрылось одной сплошной тучей!

Грома не было. Если бы раньше загремело, я бы поняла, что собирается гроза. В густом лесу темноту я приняла за тень от деревьев и не обратила внимания. Стало так темно, как ночью! И вдруг грянул раскат грома! Я оцепенела, не зная, что делать?

Одна в глухом лесу!

Взгляд мой упал на поляну, что слева виднелась не далеко от леса, на поляне стояли два одиноких дома. Я кинулась к ним, хотелось общества людей, их защиты. Подбежав к первому дому, я увидела, что он заколочен! Я кинулась к другому – и он тоже заколочен... Кругом ни души, а уж крупные капли дождя падают на землю. Сердце моё разрывалось от страха и ужаса, мне казалось, что в заколоченных домах в такую грозу собралась вся нечисть! Со всех ног я кинулась в лес, ища у него защиты! Я успела добежать до тропы, тут стояла могучая ель, ветви её густые-густые спускались до самой земли. Я полезла под самый корень, присела на корточки, вся съёжилась, и тут дождь полил потоком, молнии разрезали небо на части, гром гремел (что тебе палят сотни пушек). Дождь меня не мочил, мне было тепло и сухо. При сверкании молний я зажмуривала глаза, мне не было здесь страшно, мне даже было хорошо, затерянной на громадной планете Земля.

Я не думала о том, что молния может ударить в мою спасительницу, могучую красавицу, не думала и о волках, что во множестве населяли эти таёжные леса. Я здесь даже нечистой силы не боялась, так тут было уютно, мечталось о маленьком домике, что стоял бы под этой елью, а я жила бы тут вечно...

Гроза кончилась так же внезапно, как и налетела! Запели птицы в сотни голосов, солнышко засияло и вся природа засияла мириадами изумрудов, каждой капелькой прозрачной дождевой воды на листьях и ветках деревьев! Жаль было покидать уютное спасительное пристанище.

Я выскочила на тропинку, она была тёплая и влажная. Босым ногам было так приятно шлёпать по ней!

Вечером, уже в темноте я доплелась до деревни Марково, где ждала меня моя сердитая, вечно мной недовольная, сестрица Рита.

Ступни моих ног так болели, шутка ли? Я в один день отмахала целых шестьдесят километров, а, может, и больше, ведь тропинка так виляла, изгибаясь по удобным для пешехода местам. Но зато я видела эту грозу в необъятном море деревьев. Такое привелось мне испытать только раз в жизни! Не каждому это дано.

Половодье в Дедюхино

Начиналась бурная весна 1935 года. Мы с подружкой Надей учились в третьем классе. На любимых наших водоёмах для летних купаний были сплошные заросли ивы. Ива росла не могучим деревом, как в городах, а тонкими ветвями из земли. И такие эти веточки были тонкие и длинные, и такие густые заросли, – так летом манили к себе в тень... И ещё любили мы наломать этих веточек охапок, чтобы дома попытаться сплести корзинку, но только ничего у меня не получалось – учителя не было. А сейчас, весной, жители посёлка ходили к зарослям: за цветущей вербой. Так называли иву во время её цветения.

Заросли ивы были почти у самого берега Камы, только отделены от него земляным валом, где-то очень высоким, а где и не очень. В половодье огромные пространства за этим валом заливались камской водой, а как Кама входила в свои берега, тут оставались наши изумительно чистые купальные водоёмы с песочным дном.

Находились эти милые места сразу за посёлком. На окраине посёлка был сользавод. Кругом лежали горы белой соли, соль в плитках невостребованная навалом лежала в заброшенных варницах, куда приходили коровы и козы и лизали солёные плитки. На сользаводе стоялом работал мой папа и я ежедневно после уроков прибегала к нему. Мне нравилось играть стружками. Длинные, очень красиво завитые и пахнущие свежим деревом, они уводили меня в сказочный мир. Я вся обвешивалась стружками, украшала ими голову и устраивала для папы весёлую пляску. Он посмеивался, глядя на меня, я веселила его.

На Каме был ледоход. Мы всем классом ходили смотреть на движение льда, чтобы потом написать сочинение на тему: «Ледоход на Каме». Мы смотрели, как громадные льдины налетают одна на другую, громоздятся ввысь, с грохотом ломаются, скрежещут, и всё это несётся по течению, и не найдется силы, чтобы остановить движение.

После школьных занятий я позвала Надю сходить за цветущей вербой, мы за ней никогда не ходили. На переднем пути мы зашли к папе, поиграли стружками, сказали, что пошли за вербой. И ушли.

Снега почти уж не было, но песчаная почва была тверда, ноги не проваливались в песок, как летом. Мы шли, весело переговариваясь. Дойдя до зарослей ивняка, мы были потрясены досель ещё невиданной красотой расцветшей ивы! Заросли утонули в золоте! Листочков ещё не было, а веточки усеяны крупными золотыми бомбошками. Целое море золота, насколько видит глаз! Мы вошли в заросли, стали срывать тонкие длинные прутьки, вдыхали аромат, сосали, как конфеты, сладкие гроздьи. Мы увлеклись, бродя в зарослях, ломая веточки, выбирая самые красивые.

Спохватившись, наконец, что уже поздно, пошли в обратный путь. Выйдя из зарослей, мы не узнали ландшафта, по которому пришли: мы оказались на острове, кругом – вода!

Вода заливала сушу прямо на глазах! Мы бегом побежали к подъёму с низины на сользавод. Добежав почти до подъёма тропы, мы в ужасе обнаружили, что там бурлит быстрый поток воды. Суши нам осталось совсем ничего! А вода всё прибывает и прибывает! Мы смотрим на заводские дорожки, в рабочее время тут всегда кто-то ходит, а сейчас нет никого, все ушли по домам. Мы перепуганные стояли и не хотели верить, что погибаем! Кричать было бесполезно, и мы тихо обе заплакали.

Но вот наверху, там, где была папина мастерская, появилась мужская фигура с двумя длинными жердями в руках. Человек приближался, мы узнали моего папу! Вот он спустился, подошёл к воде, вошёл в воду в своих худеньких сапожках, осторожно ступая по скользкому ледяному дну, борясь с потоком, опираясь на жерди. Вода доходила ему до колен. Вот уж он посадил на спину Надю, понёс её на тот берег и идёт за мной, а я знаю, что он после болезни. Я крепко ухватилась за папины плечи. Он перенёс меня через бурный, ледяной поток воды.

Опустил меня на землю, и только тогда сказал, что давно уже ждёт нас. Несколько раз уходил и вновь приходил. Если бы не знал, что мы пошли сюда, ушёл бы домой! Он специально приготовил две прочные жерди, заострил концы и вбил в каждую по гвоздю, чтобы прочно втыкалась в лёд. Издали он увидел нас с нашими ношами и испугался за нас. Охапки цветущей вербы мы, конечно, побросали в испуге.

Испуг с подружкой мы перенесли сильный, долго не могли прийти в себя. Я запомнила на всю жизнь, как уменьшался клочок земли на глазах, как бурно хлесталась вода, угрожая нам.

Что было бы с двумя маленькими, глупенькими козочками, если бы мой милый, добрый папа не дождался нас?

На землю опустился весенний вечер, было почти темно.

Щука

Во времена моего детства рыбе в Каме жилось вольготно. Было её – ловить не переловить! Вода прозрачная, пароходы почти не ходили, разве что буксир протянет плот, и опять вода спокойна, тиха. И ловили рыбу все, кто умел и кто хотел.

И папа мой увлекался рыбной ловлей. Лодку он смастерил сам. Пока она в стадии строительства находилась в нашем дворе, я не вылезала из неё – так она мне нравилась. Лодка получилась на славу! Папа её проконопатил, промазал смолой, собрал мужиков на помощь и лодку потащили на воду по деревянным подставкам. Я так радовалась, крутилась под ногами, мешалась, мне делали замечания, но я считала, что без меня никак не обойтись, ведь за всем нужно уследить! Ещё что-нибудь не так сделают!

Вот лодка на воде и я в ней! Но папа велел мне сойти на берег, взрослые её поведение будут проверять на плаву. Нехотя ушла. Дождавшись возвращения папы, узнала, что лодка наша всем очень понравилась, не вертлявая, хорошо держится на воде, легка и удобна. Папа на ней ездил за брёвнами на Каму во время разлива весной. А так же и на рыбную ловлю. В посёлке почти у каждого жителя была лодка, а у кого не было, о них говорили: у него и лодки-то нет!» Это как сейчас про не имеющих автомашину говорят: «Не дотянули!».

Посёлок наш каждой весной заливался камскими водами, оставалась сухой наша улица, но и то иную весну затоплялась. Но сухим всегда оставался центр, где была церковь, бывшая двухэтажная тюрьма, потом переделана на школу-семилетку и магазины. Вот в эту пору без лодки в магазин не попадёшь! Ребяшня занималась перевозом за плату. Такса была десять копеек. Когда я подросла, тоже перевозила желающих с берега на берег за денежку. Я приставала к папе с просьбой взять меня на рыбалку, он редко в чём мне отказывал, и однажды сказал, что поедем с ним ближе к ночи ловить рыбу. Я не могла дождаться назначенного часа. Вот уж и вечер клонится к закату, и закат погас. Пора, сказал папа, собирайся! А мне собирать нечего, я вся готова! Взяли необходимое: удочки, сачок, дождевых червей, запаренную овсяную крупу. Вот уж мы в лодке, папа сел за вёсла, я на скамейку, приколоченную на корме лодки. На небе месяц, звёзды отражаются в воде. Ритмично, не спеша, плюхаются вёсла в воду, поднимаются из воды, с них струится вода, блестя золотом от звёзд и луны. Я не различаю, где небо, где вода – всё слилось!

Вот уж мы и на Каме! Кругом тишина, только несколько лодок вдали друг от друга таких же любителей рыбной ловли. Папа достал рыболовные принадлежности, нацепил на удочку червяка и дал её мне, велел следить за поплавком. Сам он стал ловить рыбу сачком, он опустил его в воду, лодка медленно, без вёсел, плыла вниз по течению. В сачок то и дело попадали рыбёшки. Больше всё колючие ерши. Папа бросал из сачка в ведро с водой, что стояло на дне лодки. Вдруг мой поплавок дёрнулся, я позвала папу. Он вытащил большую щуку, подведя под неё сачок, чтобы не сорвалась с крючка. Радости моей не было предела, я загорелась рыбацким азартом! Папа положил щуку на дно лодки, – в ведёрко с мелкими рыбками не посадил её – слишком крупная, сказал: «Килограмма полтора»; дал мне удачливую удочку и насадил опять червячка. Я за ней внимательно следила, даже сон меня не клонил, такой азарт – до дрожи! Вдруг я посмотрела на мою щуку, что билась, сгибаясь-разгибаясь, подсакивая от пола лодки, рот её то и дело широко раскрывался, я заинтересовалась, не понимая, что она задыхается, прощается с жизнью. Мне было семь лет, и я многого тогда не знала. Я отложила удочку, встала на колени возле щуки и смотрела на её движения. И, сама не знаю – почему, засунула ей в рот свой указательный палец правой руки! Она захлопнула пасть, вонзя двойной ряд острых зубов в мой глупый палец! А зубы её, ведь я видела, с уклоном внутрь, что попадёт на них, уж не упустит! Я кричу от боли, перепугала папу, мой рёв эхом носится по воде, даже соседние рыбаки встрепенулись, смотрят в нашу сторону, а я ору, не могу вытащить палец из щучьей

пасти. Наконец папа понял, в чём дело, бросил сачок на дно лодки, наклонился ко мне. Понял, что просто так палец не освободить, взял нож и разрезал щуке челюсти. Кое-как сняли палец со щучьих зубов, он весь в ранах, кровь так и течёт, я всё не могу успокоиться, мне и больно, и страшно, мне казалось, что щука меня всю заглотит, хотя я много её больше! Папа велел опустить палец в воду. Холодная вода несколько успокоила боль, но рыбалка уже пропала, папа повернул лодку носом в домашнюю сторону и мы поплыли в обратный путь.

Дома к пальцу привязали лист цветка алоэ. Палец долго болел, нагнаивался. В больницу меня не водили, лечили домашними средствами: привязывали то тёртый картофель, то печёный лук, приговаривая: «До свадьбы заживёт!» Действительно, пальчик мой поправился, но только я уж не просилась больше с папой на рыбалку. Я долго жалела ту щуку, по моей глупости папа покалечил ей голову ножом. Хотя и жалеть было глупо: все равно её съели!

Школьное сочинение по фильму «Чапаев»

Сухая, тёплая осень 1935 года. Только что кончились летние каникулы и началась учёба в третьем классе. В рабочий клуб, так его у нас называли, привезли фильм «ЧАПАЕВ». Многие мои одноклассники уже его посмотрели, и особенно мальчишки взбудоражились: разговоры только и слышались, как о Василии Ивановиче, Петьке, Анке, пулемётной стрельбе, белых бандитах и прочем.

Учительница, Елизавета Павловна, на уроке сказала, что кто ещё не посмотрел фильм о Чапаеве, посмотрите сегодня или завтра, показ фильма заканчивается, а мы будем писать сочинение о героях гражданской войны, конкретно о Чапаеве. Я вернулась из школы, и у домашних стала просить пятьдесят копеек, такова цена за билет. Обратилась сперва к папе, он самый главный в доме. Отказал, по какой-то причине. Просила у мачехи – не дала. Обратилась к сводной сестре, она была уже студенткой, тоже отказала мне. Я плакала, говорила им, что у меня домашнее задание, в школе будем писать сочинение, мои мольбы были напрасны! Пятьдесят копеек, вероятно, были большие деньги! Я металась, не зная, как мне быть?

Я знала, что сестра собирает медяшки, копеечки. Какое-то в её среде появилось увлечение однокопеечными монетками и у неё их набралось уже больше ста. Она их у всех выпрашивала, наказывала, если появятся, то отдавать их ей! Для хранения монеток папа сделал ей деревянную копилку: маленький ящичек, со всех сторон цельные стенки, только в одном месте небольшая щёлочка для опускания монет. Свою копилку сестра держала за русской печью, между стеной и печью было небольшое пространство, узкое, но длинное. Она печной кочергой утапливала туда копилку, а когда надо, кочергой же и вытаскивала.

За мной не водилось порока брать что-либо мне не принадлежащее, но в данном случае я решилась на это! Сестра только что положила заветные монетки, убрала копилку и ушла из дому. В доме я осталась одна, сердце моё сильно колотилось, я разрывалась от противоречивых чувств: и надо, и стыдно, но «надо» пересилило всё остальное.

Мне не понадобилась кочерга, я была маленькая и тоненькая, свободно бочком ходила в запечной щели. Взяла маленький столярный папин топорик, достала заветную копилку, острием топорика раздвинула соединения дощечек, ничего не сломала. В образовавшуюся щёлочку вытряхнула монетки, отсчитала ровно пятьдесят. Остальные положила внутрь, приколотила дощечки плотно одну к другой, всё убрала на места и убежала в клуб!

Поспела как раз вовремя, к началу фильма и забыла все тревоги. Погрузилась в бурную жизнь героев. Не заметила, как кончился фильм. Домой иду уже в сумерках, в уме пишу сочинение. Сочинение получилось в стихотворной форме, три четверостишия. Начиналось так: «Хоть пулемётом строчили в героя, И хоть руку ранили ему, но не выдал он город советский, и не сдался белому врагу!» Два других четверостишия теперь уж забыла. На следующий день в школе мы писали сочинение. Я отдала учительнице стихотворение, ей оно очень понравилось, она прочитала его всему классу, похвалила меня и поставила отличную отметку, и дала чистую тетрадь специально записывать сочинённые стихи и приносить к ней. Но после кино, накануне, я шла домой сияющая и от впечатления и от сочинённого стихотворения. Вот, думала, удивлю и обрадую!

Но меня там ждали две Клавдии, сестра и мачеха, злые-злые! Мачеха за волосы подтащила меня к злополучной копилке, которая присутствовала, как доказательство моей виновности. Всё же следы от топорика остались! Я призналась в содеянном. Мне был вынесен приговор: все пятьдесят копеек, монетками, какие взяла, где угодно достать, но вернуть! Я несколько месяцев расплачивалась с сестрой, а потом они ей стали не нужны, она унесла их в магазин.

Как трава сквозь камень

Моё Менделеево, где я работала, было железнодорожной станцией Свердловской железной дороги, а по административному названию по Пермской области – посёлок в Карагайском районе. Я работала там тринадцать лет. Врачи районной больницы моё Менделеево прозвали «Страной чудес» за то, что в районную больницу приходилось везти таких больных, с лечением которых без специалистов хирурга или гинеколога своими силами не справиться. «Вот, опять «Страна чудес» чудит!» – ворчали они на меня, правда, ласково, шутя, когда я привезу к ним больного. Случаи бывали, действительно такие, каких не только в нашем районе, но и вообще нигде! Всё потому, что в посёлке ежедневно была масса проезжающих по железной дороге и по шоссе дороге, соединяющей станцию с северными районами области, как город Кудымкар, сёла Белово, Кочёво, Юсьва, Юрла и др. То авария с автомашиной, то поездом покалечит. Где народ, там и случайности.

Вот случай совершенно из ряда вон, не поверишь, если это не рассказ очевидца. А я была при этом действующим лицом. О случае этом врачи Карагайской больницы хотели писать в Министерство Здравоохранения, как уникальном, небывалом. Не знаю, писали, нет. Я удивила их, привезя к ним родильницу, попросту говоря, женщину, только что родившую ребёнка. У меня и у самой было уже двое маленьких детей, и довольно солидный опыт в акушерстве, но такое видеть привелось впервой! Медику нервы нужны железные!

Был конец ноября. Настоящая зимняя погода, с укатанной санной дорогой. После рабочего дня, поздним вечером, за мной прибежали две колхозницы, досмерти перепуганные и ничего толком сказать не могут, что случилось, только выговаривают: «Скорее, скорее пойдёмте!» Я, было, собралась накормить детей и уложить их спать, пришлось поручить это мужу, мигом оделась и – была, да нет! Побежали!

Дорогой женщины мне кое-что рассказали, но сами почти ничего понять не могут. Привезли они в больницу молодую колхозницу, о беременности которой как-то никто не подозревал, ни те, с кем работала, и мы, медики, хотя задачей нашей было выявление ранних сроков беременности и профилактика патологий. Не обращалась и на глаза не попала! Зашли они к ней вечером, что-то им показалось подозрительно, докопались до истины, скорее запрягли лошадь и повезли в родильное, к нам. Немного не успели: у самых дверей больницы произошли роды, когда женщину вели в помещение! Ребёночек, девочка упала на снег! Ребёнка унесли, женщину завели, санитарка помогла раздела, уложила на кровать и послала женщин за второй фельдшерницей, что жила ближе моего. Та прибежала, глянула, и поднялась тут великая сумятица: ребёночек родился не тем путём, каким рождается на свет божий каждый человек! Моя коллега растерялась и послала за мной. Что она женщинам сумела сказать, словами не передать! Не литературное слово. Акушерка находилась в отпуске.

Я забежала в прихожую, на ходу сбрасываю одежду. Выбегает из родильного отделения моя коллега, лица на ней нет! Говорит мне: «Баба родила в пах! Что будешь делать?» Вот такое заключение сразу вынесла не просто женщина, а медицинский работник, фельдшер! Не видя родильницы, соображаю: как можно родить в пах? Что за патология? Вхожу в родильную комнату. Больничка наша в небольшой, но из двух половин избе, соединённой общими сенями. В одной половине амбулатория с аптекой – в другой родильное отделение на две койки.

Надела халат, обработала руки, подхожу к страдальце. Женщина молодая, по лицу вижу: ведёт себя мужественно. Ребёночек запелёнатый, сладко спит! Девочка. Приподнимаю простыню над родильницей, чтобы осмотреть: сама пришла в ужас! Овладела собой, не этично показывать растерянность, ведь женщина надеется на меня. Улыбаясь, разговариваю с ней, задаю вопросы. Она отвечает здраво, точно.

Кровотечения почти нет, так, чуть-чуть. Бывает гораздо обильнее при нормальных родах. Конец оторванной пуповины заметен из обширной рваной раны, правее естественного родового выхода, создавая впечатление, что ребёнок действительно вышел из лона матери из паховой области, как бог Зевс доставал своих детей то из бедра, то из головы. Моя коллега, спрятавшись за мою спину, спрашивает меня: «Откуда послед доставать будешь?» «А ты бы как поступила?» – вопросом на вопрос отвечаю я, а сама этот же вопрос мысленно задаю себе. Раз уж, думаю, ребёночек прошёл этим путём, и конец пуповинки торчит на виду, уже инфицирован, нельзя его протягивать в полость матки! Вывод: достать послед через эту зияющую рану!

Наложила на конец пуповинки зажим, левой рукой надавила на низ живота женщины, тихонько потянула пуповинку, послед уже отделившийся, легко вышел, все дольки целы! Огромное облегчение, один камень с души отпал! Общее состояние матери удовлетворительное, что делать дальше? Побежала в амбулаторию звонить по телефону в районную больницу врачу акушеру гинекологу. Обрисовала картину, прошу срочно приехать, была районная машина скорой помощи.

Отвечает мне доктор, машина сломалась, зашивай сама! Я настаиваю, что операция сложная, потребуется или общий наркоз, или местное глубокое обезболивание. «Тогда, – отвечает телефонная трубка – вези сюда, здесь и зашьём!» Что мне оставалось делать? Послала санитарку бегом за моим мужем, у него на работе имелась грузовая машина. Он спешно её завёл, подогнал. Погрузили на носилках женщину, санитарку с малышкой в кабину, я наверху с виновницей переполоха, держу пульс, боюсь, как бы не растрясло! В стерилизаторе шприц с уже набранным хлористым кальцием, на случай сильного кровотечения.

Мне однажды приходилось ввести хлористый кальций больному в вену при сильном кровотечении прямо на ходу, на носилках! Промедление, что называется, смерти подобно! Благополучно миновали все тринадцать километров дороги. Сдали на врачебные руки, небывалый в медицине, случай, но врач не отпустила меня, пока не зашили рану. Досталось бедной матери сперва вытерпеть разрыв толщи мягких тканей, а затем наложение многих швов под местной анестезией. Да ещё врач, не стесняясь своей гуманной профессией, ругала женщину, та призналась, что хотела удушить ребёнка в родовых путях, сжимала ноги, не давая родиться ребёнку, пусть хотя и в дороге, но в своё время. Мягкие ткани, окружающие естественные родовые пути, при направленном препятствии движению головки плода, с правой стороны шапочкой натянулись на головку и разорвались! И родилась дочь, как травка через асфальт! Удивительная сила заложена Природой в материнский организм: подарить Жизнь, а не отнять её! И мать, и дитя поправились. Девочка даже простуды не получила. Женщина была мать-одиночка, да ещё второй ребёнок, вот и придумала взять грех на свою душу. Но, полюбив дочурку, благодарила Судьбу, что спасла ей жизнь. Случай произошёл в 1953 году, женщина – из деревни Кузьмино.

Папин доктор

В летние каникулы после четвёртого класса у меня были серьёзные хлопоты по приобретению учебников для пятого класса. Школа не обеспечивала ими, а домашние и не думали беспокоиться о них. Мои одноклассники, перешедшие в пятый класс, искали знакомых, перешедших в шестой, чтобы купить у них освободившиеся учебники. Новых учебников не продавали и много поколений учеников учились по старым, потрёпанным, много раз перепроданным книжкам. Я сбилась с ног, пока приобрела все шесть нужных. Да ещё были трудности с тем, что денег мне не давали наперёд, прежде договорюсь о цене, потом бегу к мачехе, объясняю, сколько нужно копеек или рублей за такую-то книжку. Было даже так, что пока бегала за мачехой, нужный учебник перекупали. Наконец я успокоилась, все учебники куплены. Можно спокойно отдыхать всё лето! Я просматривала учебники, читала, не могла дождаться начала нового учебного года. А время шло своим чередом, что ему до того, кто его подгоняет, а кто хочет замедлить.

Лето в полном разгаре, огородные работы – прополка, полив возложены на меня. А как хочется убежать купаться, бегать по лугам и лесам! Тайно стоворимся с подружками о месте сбора, выбираю момент для побега, зная, что после меня накажут, но это будет после!

Выбрав подходящий момент, ползком по бороздке, а бороздки извиваются змейкой, ползу, прижимаясь к земле, словно ящерка, прячусь не только от своих, но и от соседок, а то обязательно выдадут, окликнут. Дружили с мачехой. Вот и забор общего огорода, а там поле, ищи свищи в нём ветра! И на целый день свобода! Подружки ждут, без меня нет веселья, нет моих рассказов и моего смеха!

Бежим купаться то на Чёрное озеро, то к Каме. На самой Каме купаться не очень нравилось, дно не предсказуемо, обрывы возникают чуть не на каждом шагу, наш берег крутой, противоположный – пологий, песчаный, но туда нам не добраться, плавали плохо. Больше всего любили купаться в оставшейся от половодья воде в ямах за высоким земляным валом берега Камы, отделявшего Каму от песочной низины. Тут в ямах разной глубины были наши заповедные купальные просторы. Ямы делились на мальчишечьи и девчоночьи. Неприятности тех и других, если забирался не в свой бассейн. Закидают песком, заливают водой, заулюлюкают! Но драк не было. Купались до устали, до изнеможения! Валялись на горячем песке, зарываясь в него. А потом снова в воду! За лето загорали так, что не отличить было от негритёнка! А курносые носы облуплялись, словно печёная репа. Волосы мои по наследству от родителей были курчавые, а как шли домой после водных процедур на меня все засматривались и охали: ой, какой барашек, какой барашек! Я не придавала этим охам значения, в зеркало не смотрелась, за красотой не следила. Домой возвращались уже в темноте, я старалась не замеченной проскользнуть к месту ночлега.

Об ужине и говорить не приходилось. А мачеха все равно меня подкарауливала, чтобы наказать за побег с огородной работы. У папы распух на правой ноге голеностопный сустав. Он уже недели две был на больничном листке, в больницу ходил на костылях. Совсем не мог наступить на ногу. Я днём опять убежала без разрешения купаться, но пошли мы на Чёрное озеро. Купались на самом его истоке. Вода в нём казалась чёрной издали, но была на самом деле очень чистая и прозрачная. Берега в зарослях зелени, травы, цветов и деревьев. Такая красота! Мы пробежали весь день до самого вечера, домой идти, как не крути, надо. Тут на глаза мне попались заросли цветущей скрипун-травы. По берегу её росло множество. Цвела она розовыми шапками – соцветиями, высокая, листья сочные, при каждом прикосновении всё растение скрипит. Когда-то от кого-то я краешком уха слышала, что ею лечат ноги, если они болят. И я нарвала этой травы целый сноп. Несла её домой и не могла надышаться её ароматом. Домой пришла опять же поздно, мачеха уже ждёт и ругается. Я же даю траву папе и говорю, что

сегодня специально ходила за этой травой, старушки посоветовали ею лечить папе ногу. Папа так обрадовался, взял траву, на холсте разбил её молотком так, что сок потёк. Этой разбитой травой он обвязал ногу, весь сустав и стопу. Наказать меня мачехе не дал. Утром встал и – чудо свершилось! Он тихонечко наступал на больную ногу! Мне сказал, чтобы шла туда, где нашла эту целебную траву и как вчера принесла бы столько же. В ноге большое облегчение! Он велел мачехе дать мне с собой хлеба! И я собрала подружек, и опять гуляла весь день, купалась, сколько хотела, не думала, что дома ждёт наказание! Так было легко на душе! Я ходила за травой раза четыре или пять. Нога папина совершенно излечилась от боли, сустав пришёл в норму. Папа пошёл на работу! Он всем знакомым рассказывал, как его вылечила маленькая дочурка, а врачи не могли! Я очень гордилась, но на душе было не совсем хорошо: ведь траву я нарвала для защиты от мачехи, точно не зная о её целебном свойстве. И так получилось, что вылечила папе ногу! Но слух о свойстве травы, что дошёл до меня, оказался не простой болтовнёй! Папа назвал меня своим доктором. Но не дожил до моего диплома. Я ещё несколько раз лечила его удачно и не удачно, но без вреда для здоровья. Лечила и соседей, порезы, нагноения и прочее. Однажды, тем же летом даже удачно сложила ему сломанный большой палец на левой руке, прибинтовала его между двух лучинок. Палец удачно сросся без обращения к врачу. Упал папа на моих глазах, вылезая из подвала дома, через только что прорезанное оконце. Я, прежде чем оказать ему помощь, хохотала над тем, как смешно он упал. Но папины стоны погасили смех. Опять папа хвалил меня перед всеми.

Милый, милый Васька

Когда он появился, откуда – не знаю. Я проснулась, в комнате светло и никого из родных. Возле меня лежит пушистый комочек, маленький, серенький, тёпленький. Дышит! Я уже умела различать, дышит или не дышит, папа научил: грудка шевелится. Кто это? Дотронулась ладонью, встрепенулся. Поднялся на ножки, плохо стоит, ножки дрожат. Маленький хвостик всё время движется из стороны в сторону, кругом быстро-быстро. А потом: «Ме-е-е-е» голосок тоненький, слабенький. Он смотрит на меня. Глазки, как две серенькие бусинки.

Мне он так понравился, я обхватила его шейку обоими руками и сразу же полюбила. Он не отбивался от моих ласк. Вошёл папа. Кто это? спрашиваю папу. Не бойся его, это твой друг, козлик Васька. Ты ему заменишь маму, у него не стало мамы. Да я уж понял, что он тебе понравился, ласкай его и следи за ним. Васька будто понял, что говорят о нём, бочком тёрся о моё плечо. Я стала гладить его по головке, шёрстка шёлковая, а на лобике с боков маленькие выступы. Папа сказал, что тут у него вырастут рожки, когда сам подрастёт. Но пока он был слабенький и жалкий. Я придавила его рукой, он встал на коленки. Я обняла и погладила, он притих и уснул. Я лежала с ним и смотрела на маленькое чудо. Какое-то время мы так лежали, потом папа принёс в чашке тёплого молока, взял мой палец, окунул его в молоко и засунул Ваське в ротик. Я вздрогнула от того, как Васька начал сосать мой палец. Даже испугалась, думала, что укусит больно. Но зубов у него не было! Я их не нашла, пошарив пальцем в ротике Васьки. Я сказала об открытии папе. Папа сказал, что вырастут. А Васька жуёт мой палец, не отпускает! Папа опустил мою руку в чашку с молоком и Васька засосал молоко! По всему видно, что молочко ему понравилось. Так у нас и повелось: как Ваське время подкрепиться, мне дают чашечку с молоком, я обмакиваю палец в молоко и даю Ваське, а потом опускаю в чашку. Васька напьётся молока и бегаёт по комнатам, скачет. А как высоко он подпрыгивал! По ступенчатой лестнице прыг-скок, и на печи! От меня не отходил ни на шаг. Мы спали с ним вместе. Постель он не пачкал, прыгивал на пол, а, сделав, что необходимо, лёгким прыжком заскакивал на постель.

Появился Васька зимой, а когда пришла весна, он уже был крепкий козлик с выступающими смешными рожками. Ему постоянно хотелось бодаться. Он подкараулит меня, когда я не жду подвоха, разбежится и сзади боднёт меня в спину. Сильно так, аж покачнусь! Мы оба сильно привязались друг ко дружке. Часто надолго замолкали, ласкаясь щека о щеку. Начал таять снег. Мы выглядывали из сеней на улицу, но снега было много и выходить возможности не было, у меня не имелось одежды и обуви. А без меня и Васька не выходил. Постоим на крылечке, ножки мои босые замёрзнут, бежим в дом! Васька цокает копытцами быстро-быстро! Вышли как-то днём на крылечко, стоим и смотрим. Соседкин сын, Венко, сгребает снег с крыши своего сарая, бросает его в наш двор. Увидел меня с Васькой, прицелился в Ваську чернем лопаты, кричит: «Застрелю козла!» Я ещё не понимала, что стреляют только из ружья, загородила Ваську собой и заревела страшным рёвом. Венко хохочет и целится лопатой. Он и летом меня пугал тем, что, увидев меня, кричал: «Уши резать! Уши резать!», делая движения пальцами, как ножницами. Я убегала, сколько было силы в ногах. И сейчас он целится в Ваську, я его загораживаю собой, а Ваське любопытно, он вылезает из-за спины, я реву пока мои родители не вышли узнать, в чём дело? Венко, как ни в чём не бывало, сбрасывает снег!

Пришло лето красное. Мы с Васькой бегаем на травке, он уже давно грызёт хлебные корочки. Сейчас научился щипать траву! Бегаем, пока я не проголодаюсь. Тогда идём домой, Васька забирается в нашу с ним постель и спит. Так мы прожили до осени. Папа как-то сказал, что Васька скоро попадёт в суп. Я не поняла значения этих слов и не придавала им значения. Беззаботно резвилась с милым Васькой. Наступили холода. Васька был большой и сильный, с красивыми рожками, но всё так же привязан ко мне. И спал со мной. Я прижималась к его

мягкой тёплой шерстке, обнимала, и не ведала, что горе-разлука уже не за горами... Старшая сестрица, на два года меня взрослее спала всегда с мамой, не подпуская меня к маме. Отталкивала, отпихивала меня, заявляя, что мама её! А мама не пресекала её действий. Я спала с папой. А теперь почти год я сплю с Васькой, даже к папе не хожу. Мне хорошо с Васькой.

Но вот просыпаюсь одним утром, Васьки возле меня нет! А он не оставлял меня никогда! Соскочила с кровати, кличу: «Васька, Васька!» Не откликается, как прежде. Родители и сестрица сидят за столом, кушают. Мама кличет меня: «Сашенька, проснулась? Иди кушать суп из Васьки!» Как из Васьки? Меня охватил ужас! Но всё ещё кажется, что это не правда, что Васька вот-вот выскочит ко мне. Сестра сказала: «Закололи твоего Ваську и суп сварили!» С горя я упала на постель и горько заплакала. Как могли сделать такую жестокость с Васькой? Как можно есть друга?! А Васька был моим лучшим, милым другом. В тот день я ничего не ела. И не ела из Васьки приготовленной еды. Мне казалось это святотатством, предательством. Я ненавидела родных за то, что едят моего Ваську. Я горевала молча, я ещё не умела горе и ненависть выразить словами. Я страдала.

К бабушке богатушка

Бабушка по папе, Елизавета Фёдоровна, не любила мою маму, а из-за неё и нас с сестрицей Ритой. Причину слишком холодного отношения к нам я объясню в главе «Моя родословная». Не буду повторять каждый раз при упоминании о бабушке. И я платила ей неприязню, если не вспоминать, что однажды она всё же спасла мне жизнь. Об этом в другом рассказе. Я боялась бабушку, сторонилась. Поэтому мало о ней знаю. Иногда, правда, когда она мирно сидела за пряжей, я подсаживалась, следила за движением её рук и старалась запомнить, чтобы тоже при случае научиться рукоделью. Я сидела смиренно, не мешая ей работать, и иногда она мне что-нибудь рассказывала. Я запомнила её воспоминания о житье у богатушки, конечно в услужении, не гостьей. Стирала бельё и т. д. Но слово «богатушка» она произносила с каким-то благоговением, горестно вздыхая при этом. Но чаще всего она смотрела на меня с явным неодобрением, даже и прозвище мне дала за мой смиренный нрав: «Сонная овечка». Зато Риту прозвала «Блудливой коровой» за непоседливость и пакостные штучки. Так и называла нас не именами, а её данными прозвищами. И вот пришло время, и я подшутила над ней, так, совсем невинной шуткой. Пока. После я нанесла ей значительный ощутимый ущерб, но считала его ею заслуженным.

У моей подружки Нади мама была очень маленького роста, почти с меня. У неё юбки, кофты, шали – всё было такое красивое, и я, часто бывая у них дома, всегда засматривалась на эти наряды. Однажды мы с Надей были у них в доме одни и я попросила разрешения примерить мамины наряды. Надя разрешила. Я одела модные длинные на высоких каблукках ботинки, длинную до земли, всю в складочках, юбку, очень модную кофточку. На голову набросила цветастый платок и себя не узнала! И тут же родилась мысль нагреть в этом наряде к бабушке, благо дома кроме неё никого не было. Все уехали в деревню в гости. Наде так понравилась эта мысль и мы тут же отправились в путь. Дома наши находились не далеко один от другого. И на улице оказалось пусто, никого! Я шагаю чинно, стараюсь не подвернуть ногу в непривычной обуви. Спину распрямила, лицо держу высоко поднятым. Наряд обязывает! Надя впереди меня, забежала к бабушке, взбудоражила её возгласами: «Бабушка! Бабушка, к тебе богатушка идёт!»

Бабушка всполошилась, перепугалась, бросила пряжу. Набросила на голову платок и выскочила на крылечко встречать. Я уже очищаю обувь на крылечке, приподняв подол юбки, чтобы были видны модные ботинки. Бабушка вся в трепете, я же лицо не показываю, смотрю по сторонам. Надю разбирает смех, она из последних сил сдерживает его. Бабушка заподозрила подвох. Тут уж и я не сдержалась и расхохоталась. Надя упала со смехом на скамеечку, что стояла у крылечка. У бабушки лицо белое-белое, плюётся! Наверное, уже готовилась принять подарок от своей давней покровительницы, вспомнившей её. Грёзы разбились так же быстро, как и пришли. Мы долго с Надей смеялись, торжествуя победу! Но пора бежать, снять наряд, а то ведь попадёт от Надиной мамы. Мы всё успели, я переоделась, и одежды убрали на место. Какие чувства вызвали мы у бабушки? Кого она могла ждать? Кроме папы у неё была ещё дочь Катя, старше папы, жила с семьёй возле города Кизела, в шахтёрском посёлке Половинка.

Какие у них с бабушкой были отношения, не знаю, но тётя Катя никогда не приглашала к себе мать и у нас ни разу не была. Папа с мачехой однажды съездили к ней в гости. Я очень просилась с ними, но меня не взяли, не во что было одеть. Только куклу мою резиновую маленькую, подарок невестки Анюты забрали у меня, чтобы подарить моей маленькой кузине, которую мне не довелось узнать.

С папой отношения у бабушки были тоже натянутые, и умерла она, не повидавшись с дочерью. Жаль, я была мала и глупа, не расспросила папу, почему всё так сложилось в их жизни? Глупо.

Челюсть

Ко мне на приём пришла женщина, доярка из ближней деревни. Я указала ей на стул, чтобы больная присела возле меня. Она не сказала ни слова, держа правой рукой сложенный вчетверо платок, закрывала им всю нижнюю часть лица. Истории болезни, иначе говоря, медкарту, как в городских больницах, на больных не заводили, записывали всё о больном в журнал приёма. Я приготовилась записать и выслушать жалобы больной. Она молчит. Несколько раз спрашиваю фамилию, имя – молчит. Платок не убирает от лица. Тогда я отвела её руку с платком и увидела, что лицо женщины искажено странной гримасой: рот полуоткрыт, нижняя челюсть отведена в сторону, странный оскал зубов поразил меня. Никогда ещё в практике не видела такого!

Женщину знала, но не могла вспомнить ни её фамилии, ни имени. Тихонечко расспрашиваю её, что и как произошло, у неё слёзы из глаз, мычит, ничего не понять. Стараюсь дать ей успокоиться, не торможу, уткнулась в журнал, делаю вид что читаю. Вдруг над моим ухом звучит весёлый и громкий смех, не просто смех – хохот! Поворачиваю голову к больной – она вся преобразилась! Глаза, только что печальные, в слезах, теперь светились весёлыми голубыми лучами.

«Вправила! Вправила! Сама вправила!» И заразительно хохочет. Я не сдержала своих эмоций, молодость и поведение больной меня рассмешили, я вместе с больной безудержно смеюсь! Ведь поняла причину, что привела ко мне женщину, нельзя было давать ей так веселиться, шевелить челюстью, ведь у неё был вывих нижней челюсти! Нужно было сразу наложить фиксирующую повязку. Но у меня ещё не было опыта на все случаи превратностей жизни. Я не успела спросить фамилию, имя. Челюсть снова выскочила из суставов, прежняя гримаса исказила лицо. Из красивого лица смотрела неузнаваемая маска, слезы катились, падая на грудь. Меня мучили раскаяние и стыд, я не могла простить себе своё недавнее поведение. Пытаюсь вместе с больной вправить челюсть. Не я, не она не можем этого сделать! Не можем. Взяла бумагу, чтобы написать направление в районную больницу к хирургу, больная не может произнести свою фамилию. Я говорю, что придётся ехать с моим направлением, без вписанной её фамилии.

Она согласно кивает головой, берёт мою бумажку, снова закрывает лицо вновь вынутым из сумки платком, и уходит. Мне стыдно и горько, жаль беднягу. Ей ехать тринадцать километров до райбольницы, трястись в кузове грузовой машины. Автобусного сообщения ещё не было с районным центром. Больная не попрекнула меня, когда мы вновь встретились, не смеялась уж так, как тогда, заразив меня своим смехом, улыбалась приветливо. Смеяться с открытым ртом запретил ей хирург, связки суставов нижней челюсти по какой-то причине ослабли. Мог появиться, так называемый, «привычный» вывих. У некоторых людей такое встречается. А посмеялись мы с моей больной тогда здорово, от души!

Кто смеётся последним

Ах, молодость! Ах, юность!.. Всё тебе в розовом свете, всё смешно!

Всю дорогу мы смеялись, и всё было над чем! Мы – это стайка девчонок по пятнадцать лет каждой. Мы студентки-медики, первокурсницы Березниковского фельдшерско-акушерского техникума. Наша дружба с детского сада. Мы все из Дедюхино, что в семи километрах от города. Мы бежим после занятий домой. Семь километров нам не помеха. Путь лежит по железнодорожной ветке, она не одна, по обе стороны запасные пути, стрелки, маневрирующие паровозы. Кучи смоляного снега вокруг столбов. На дворе месяц март 1941 года. Ходят слухи о близкой войне с немцами. Вечерами дома говорят об этом взрослые.

Утешают друг друга тем, что ямы овощные глубокие, отсидимся! Жизнь идёт! И мы бежим по ней. Нам смешно! Столько надо рассказать друг дружке, не хватает семи километров! Наши взгляды привлёк стоящий на стрелке паровоз. Из трубы чуть-чуть дымок вьётся, в оконце смотрит на нас паренёк, так измазан сажей, только зубы сверкают.

Он улыбается нам. И нам бы улыбнуться ему! Так нет же! Мы обсмеяли его, его паровоз, его грязную рожицу. Всей ватагой подняли такой хохот, крики. Мы даже пляску устроили перед парнем, уставшим от тяжёлой работы, а может и не обедавшим ещё. На миг его лицо скрылось от нас, и вдруг – о боже! Загремело, загрохотало! На нижней части паровоза открылось отверстие, и фонтан пара с рёвом полетел на нас! От неожиданности мы не поняли, что это не опасно, что это ответная шутка парня на наше подтрунивание над ним, мы всей ватагой от испуга тут же, у самого паровоза, оказались в высокой куче смоляного мокрого снега, собранного у столба. Кто-то из нас уткнулся в снег головой, у кого-то торчала только голова, вымазанные рожицы, широко раскрытые глаза и закрытые рты, только что осмеивающие парня! Вот уж как хохотал над нами паренёк! Как он сумел унижить нас! Не сразу мы сообразили, что это его ответная шутка! Как побитые, мы вылезали, отряхивались. А парень хохотал!

Не зря говорят, что хорошо смеётся тот, кто смеётся последним! Много раз мы ещё бегали этой дорогой – другой не было, но над паровозниками больше не смеялись. Зауважали! Техника!

Овсянников

Я с семьёй проживала на станции Менделеево, работала на прежнем месте фельдшером уже не один год, была кой-какая практика, но на всякий жизненный случай ни какой практики не хватит. Летней ночью прибегает за мной акушерка, жила она на поселковой почте, её муж служил начальником и предоставлена ему там была комнатка. Парочка была бездетна, места на двоих хватало. Прибегает она ко мне, а ночь светлая, летняя, тёплая. Плачет моя акушерочка, пойдём, говорит, скорее. У меня на почте умирает мужчина, почти уж не жив, минут двадцать назад приполз ко мне... Побежали. Сумка скорой помощи у изголовья кровати. Примчались! В прихожей почты деревянный диван. На нём лежит мужчина во весь диван растянулся, значит высокий. Руки подняты к потолку, слабым голосом молит бога принять его душу. Схватила пульс – еле уловимая ниточка! «Что беспокоит?» – спрашиваю. «Весь умираю» – тихо прошептал. Скорее щупаю живот, чтобы снять или поставить диагноз острого живота. Живот плотный, как доска, ничего не прощупаешь. Щупаю ступни ног через шерстяные носки – ноги холодные, совсем закоченевшие, дерево деревом! Какой диагноз поставить? Ничего не пойму. А время к трём ночи подходит, скоро последний ночной пригородный поезд до Верещагино. Там межрайонная больница принимает наших больных. Живо подняли на ноги всех медиков, больного на носилки и бегом к поезду. С вокзала связались с Верещагино, чтобы со своими носилками встретили, а мы в обратный путь тем же поездом. Все двадцать минут дороги больной предлагал душу богу. Я трепетала, как бы не умер в пути. Приехали! Пока жив!

У вагона нас встречают носилки. Вынесли больного, чтобы передать с рук на руки. Луна осветила платформу вокзала. Больной уже снят с наших носилок, мы влезает в вагон с чувством исполненного долга. Вдруг медики на платформе с почти уже положенным на носилки больным, закричали нам во весь голос: «Кого вы нам подсунули? Ведь это Овсянников! У него везде протезы, он с войны инвалид, он нам житья не даёт! Забирайте обратно!» И стряхнули его с носилок.

Поезд тронулся, мы удаляемся от вокзала. Из окна видим, как наш инвалид Великой Отечественной Войны барахтается на земле, а медики с носилками убегают прочь от него. Нам уже и не выскочить, да и поместить-то некуда. У нас всего две родильные койки. Позвонила по приезду на свою станцию коллегам в Верещагино, почему так отнесли к нашему больному? Говорят, что много раз оформляли его в дом инвалидов – сбегает! А нам, медработникам в больнице от него житья нет! Всю жизнь я вспоминала этот случай. Душа болела за одинокого, изуродованного войной, человека. И за свою неопытность было стыдно. Протезы ног не распознала, кожаный бандаж приняла за напряжённый живот. Разбуженная от сладкого сна, я была введена в заблуждение общим видом больного. Больше, не видя всего больного раздетым, диагноза не ставила. Урок на всю жизнь! И долго в ушах раздавался вслед нам издевательский хохот нашего Овсянникова. Видимо, такие шутки как-то скрашивали его одинокую, загубленную жизнь.

Ешьте меня, волки

Зима 1944 года была холодная, но в местах, куда меня занесло, малоснежная. Снегу было по колено. Я жила в глубокой таёжной окраине Перми, в Нердвинском районе, работала санитаркой на фельдшерском пункте, где заведующей была моя сестра. С сестрой произошла метаморфоза: она стала такой злою, какой я её раньше не видела. Что повлияло на неё, может, и ей не было известно. Шла Великая Отечественная война, мой эвакуогоспиталь, где я проработала семь месяцев медсестрой, отправили в прифронтовую полосу. Я осталась без работы, меня не взяли, я была очень маленького роста, начальник побоялся, что буду обузой. Велел завершить медицинское образование. Я имела только два курса фельдшерского. Сестра пригласила, чтобы пережить трудное время. Учиться пойдём вместе, сказала она, как кончится война. Она была старше меня на два года, ближе её у меня никого не было. По приезде она приласкала меня, устроила при себе санитаркой. И тут, словно бес в неё вселился. Мы выросли в разных семьях, но были дружны. С третьего класса вместе закончили семилетку. Я и с радостью, и с горем бегала к ней, хотя мне не разрешалось бывать у неё и мамы. Это были проблемы родителей. Но теперь! Она совсем стала не та! Высокомерная, властная. Она говорила со мной только в приказном порядке, ни слова родного, ни жалости к младшей. Ежедневно она находила причину, чтобы при больных унижить меня, и не стеснялась в выражениях и даже в побоях. Корила куском хлеба, хотя я получала рабочую карточку и зарплату, пусть мизерную, правда за все одиннадцать месяцев я не видела денег. Сестра сама получала их и откладывала на будущую учёбу. Я выполняла всю чёрную работу: одна пилила и колола дрова, стирала бельё, топилась печь, мыла полы. В общем, всё содержала в чистоте. Даже её мыла в бане, она не хотела это делать сама. Кроме всего прочего я ездила в Пермь за медикаментами, увозила маме в Березники муки по десять и более килограмм зараз. Делала по деревням детям прививки от дифтерии, разносила тяжело больным лекарства на дом. А если выдавалась свободная минутка у меня в больничном домике, сестра вытаскивала меня к больным, для приёма. Сама в это время готовилась к экзаменам в университет. Я же, не имея диплома фельдшера, очень волновалась, как мне принять больную старушку, ведь могу навредить! Сестра не принимала моих возражений, в ход шли кулаки. И я улыбалась старушкам, входила в роль доктора. Старушки любили меня. У них я иногда спасалась от ярости сестры. Они жалели меня и подкармливали.

Жизнь для меня была адом. Кроме физических унижений сестра унижала меня морально. При всяком случае указывала на мой малый рост, на крестьянское происхождение. Себя причисляла к дворянскому роду, по маме. Меня по отцу-крестьянину. Говорила мне, что я создана для чёрной работы, что должна быть её батрачкой! Я терпела, сколько могла. Но одним вечером, после её новой вспышки гнева мне не захотелось жить! Не куда было бежать, не к кому приклонить голову.

В петлю полезть, или отравиться – не подумала. А вот вспомнила о волках. О них то и дело ходили рассказы. То учительницу съели, то ребёнка прямо от избы утащили, а собак дворовых то и дело хватили. Охотников не было, все мужики призваны на войну. Я и решила сама отдаться волкам. Пусть меня съедят! Лес подступал прямо к избе. Я бросилась туда! Я бежала, на ходу соображая, что надо запутать свои следы, чтобы не выбраться, не найти дорогу, если струшу. Я петляла между деревьями, снег по колено, бежать легко.

Вроде достаточно, решила я, уже устала. Присела на поваленную ель. Здесь буду ждать волков, свою смерть. Сижу. Смеркается. Смотрю по сторонам. Не осознанно выбираю дерево, на которое можно легко залезть. Мысль, что на нём легко замёрзнуть, вдруг пронзила меня.

И так захотелось жить! И я испугалась, что волки вот-вот разорвут меня! Я вскочила на ноги, а они уж заоченели, плохо слушаются. Бросилась бежать, что есть духу! Следы, как я их запутывала, удаляясь вглубь леса, хорошо видны, луна уже осветила лес! Я выскочила из

объятий леса, прямо в сени и на спасительные, тёплые полати! Завернулась в одеяло, согрелась и сладко уснула.

Сквозь сон вдруг слышу, плачь и причитания сестры: «Шурочка, Шурочка, где ты, где ты? Что ты придумала?» – и всхлипы... Я подняла голову, выглянула с полатей и спрашиваю: «Что случилось, Рита? Почему ты плачешь?» Плачь оборвался, сестра подняла на меня голову: «Ах, вот ты где! Я тут всё обыскала, из-за тебя, паршивки!» Сестра мигом оказалась на полатях, её острые, крепкие кулаки то и дело наносили мне ощутимые удары. Я защищалась, как могла. А потом судьба разлучила нас. Мне сильно хотелось жить. Я сбежала!

«Коршун»

У нас в Дедюхино во времена моего детства жили два мужика. Отец и сын, папины знакомые. Иногда они вместе с папой брали подрядом рубить дома для вновь строящихся. Отец и сын были похожи. Похожи были внешне и походкой, и поведением. Оба ходили всегда вместе, всегда пьяненькие, и курили одинаковые «козьи ножки» – это по-особому свёрнутые папиросы из самосада. Никто, никогда не называл их по имени, или фамилии. Их звали «коршунами». Да они чем-то и напоминали птиц: носы имели острые, глядящие вниз, как бы прислушивались к разговору отца с сыном. Папа так же без них называл их птичьим именем, как было принято.

Как-то, летним днём, с подружками, было нам по семь и восемь годов, мы играли на большом деревянном, только что выстроенном мосту через нашу речку, разделяющую посёлок на две части. Мост красиво изгибался дугой, возвышаясь серединой. Он стал излюбленным местом для наших игр сразу же, как только появился.

Вдруг идут отец с сыном, идут не спеша, пьяненькие, дымят «козьими ножками», помачивают топориками. Откуда, и куда путь их, нам не ведомо. Подружки на них не обратили внимания, меня же лукавый попутал, за язычок дёрнул: «Коршун, жопу сморщил!» – крикнула я в озорстве. Младший из двух встрепенулся, отыскал меня мутным взором, взревел во всю силу горла: «Убью!» Поднял топор для смертельного удара и кинулся на меня! Я, было, не поверила, что угроза нешуточная, на какой-то момент окаменела, ведь я не понимала, что, возможно, нанесла смертельную обиду отцу и сыну, ведь все их так называют, только без них. Но раздумывать было некогда, вижу – мужик не шутит! Ноги мои сорвались с места и понесли меня прочь! Не бегу – лечу! За моей спиной топот тяжёлых сапог и крик: «Убью!» От моста я пролетела проулок, вылетела на нашу широкую улицу, надеясь, что кто-либо помешает мужику бежать за мной. Одна надежда на спасение была – это успеть добежать до папиной мастерской на соль-заводе. Я летела стрелой из лука! Топот становится медленнее, тише. Мужик явно устал, тяжело дышит. У меня же сил – хоть отбавляй, бегу не оглядываясь. Топот совсем прекратился. Оглянулась. Мужик отстал далеко, стоит и грозит мне вслед кулаком. Я прибежала к папе и ему всё рассказала. Папа, когда смеялся, всегда запрокидывал голову назад. И сейчас он дал волю смеху. Успокоившись, сказал: «Никогда больше не говори неприятности людям. Могут побить, а то и покалечить». А этих «коршунов» остерегайся.

Я несколько лет потом обходила их стороной, не могла забыть страшный топот за спиной и блеск топора...

Тартарара

Военный, 1944 год. Январь. День выдался на редкость дивный: «Мороз и Солнце» – как у Пушкина в стихотворении. Я сижу на деревянных ящиках, на санной подводе. Подвод три, и возчиков три. Один из них долговязый парень, больной туберкулёзом, поэтому не взят в армию. В тылу, в деревне он мужик, что надо. Всё может. Бабы и девки от него без ума. Я хорошо знаю его мать, нашу больную, готовлю для неё сердечные отвары и приношу к ней домой. Она не в состоянии ходить. Дни бедной женщины сочтены. Но столько в ней доброты, ожидая меня, она из последних сил для меня готовит оладушки на огне русской печи. Они такие пышные и румяные, а с холодной сметаной просто объеденье. Женщина приветлива и даже весела. Не верится, что её скоро не станет... И сын её, Санко, так же нездоров. И на вольном воздухе среди полей и лесов живут хвори!

В заколоченных ящиках – сыр, большими буханками. Везём его на станцию Менделеево на базу сырпрома, откуда его отправляют на фронт. Я же послана сестрой к маме в Дедюхино, что в семи километрах от Березников. Везу маме муки килограмм пятнадцать. Сижу на ящиках, высоко от полозьев саней. Заехали на лесную дорогу. Сани остановились. Парень достал топор, аккуратно вынул две досочки от одного ящика, достал две буханки сыру, вложил на их место два заранее приготовленных, спрятанных в сено кирпичи, заколотил ящик.

Одну буханку тут же разрезал топором на четыре части, раздал всем, и мне тоже. Мы все впились зубами в ароматный вкусный, в меру солёный сыр. Я без зазрения совести съела свою часть. По телу пошло тепло, начало клонить ко сну, ведь встала рано. Вместо тёплой шали сестра дала мне для дороги старенькое фланелевое одеяло, я завернулась в него, у живота изнутри держу края одеяла, чтобы не терять благодатного тепла. Дремлю. Временами открываю глаза, с восхищением смотрю на природу. Солнце зажигает каждую снежинку, превращая их в алмазы и бирюзу. Деревья покрыты и снегом, и инеем, и тоже сверкают под солнцем. Я говорю себе: «Я вижу такую красоту, какую не каждый увидит!» От красоты захватывает дыхание. Но сон снова наваливается на меня, я уже вижу другие картины. Движение саней, чувствую, как-то замедляется. Открыть бы глаза, нет – сон не отпускает меня!

И, вдруг, сани качнулись, я взлетела в воздух, не разжимая рук на одеяле, и – вниз! Мигом оказалась в снежной яме, голова запрокинута, горло прижато к тверди, в рот лезет снег, не успеваю отплёвывать, задыхаюсь, руки по швам – не достать! Крикнуть не могу, совсем погибаю. Но слышу краем ушей: меня ищут! «Где девка?» – громко кричит Санко. Тут он заметил подошвы моих стареньких валенок, подбежал, подхватил, потянул! Освободились руки, я оперлась о твердь и оказалась на свободе! Еле-еле отдышалась, встала на ноги, осмотрелась. Оказывается, дорога шла под гору, гора не крутая, но длинная и извилистая, сильно укатанная, сани развернулись наперёд лошади и опрокинулись на бок, резко сбросив меня. Я и улетела в «тартарары», в кювет, занесённый снегом. Приземление мягкое, но последствия могли быть не весёлыми, не увидь Санко моих пят. Привели всё в порядок, благополучно приехали на станцию Менделеево, попрощалась я с попутчиками и села в вагон поезда.

Дважды спасённая

Прохладными были последние дни августа 1944 года. Я возвращалась из Перми в село Паздниково, Карагайского района, куда перевели сестру из деревни Марково. Я опять же служила при ней санитаркой, хотя уже пыталась сбежать от неё. Но неудачно. Выжидала более удачного момента для второй попытки. А пока служила ей верой и правдой. Она заставила меня найти для неё у жителей города пальто для зимы. У старушки, хозяйки избы, где мы работали и жили, приехала дочь в отпуск, давняя горожанка. Узнав о желании сестры выменять пальто за муку, пообещала помочь, дала свой адрес. И пришлось мне тащить муку в чемодане на плечах, не много, не мало: двадцать километров до железнодорожного разъезда Мокино, самой ближней от нашего села. У соседки хозяйкиной дочери, дверь напротив, нашлось чёрное плюшевое пальто, на мой взгляд, подходящее для сестры. Срядились за три пуда муки. Дорого это, или дёшево, не знаю. Была я совсем не опытна, посоветоваться не с кем. Оставила первый пуд муки, приехала к сестре, говорю: «Поедем, посмотри сама, чтобы не kota в мешке тебе привезти». Ехать ей не захотелось, сказала, что доверяет мне. Снова по колхозам собрала она пуд муки, и опять я на плечах несу тяжеленный чемодан, двадцать вёрст «киселя» хлебаю.

Сразу у села течёт река Обва. И широкая, и глубокая, быстрая и рыбы в ней много водится. Мужики ловят её бреднями, сетями, удочками и у самого берега ставят плетёные из виц ивы «морды», как корзинки, только с хитрым узким входом в неё. Рыбы в неё заплывают, а обратного выхода нет. Моста через реку не было. Днём рыбаки на лодках перевозили на ту или иную стороны, кому куда. Но был ещё и переход в одном месте по выступающим со дна каменным глыбам, местные жители этот переход хорошо знали, называли его «бродом». Я тоже, вроде бы запомнила его расположение. Второй пуд муки увезла.

Сестра набрала муки на третий рейс. Боже, как я устала!..

Третий поход с тяжёлой ношей на плечах. Чемодан отдал мне плечи. Отдала женщине третий пуд, осталось взять пальто и в обратную дорогу. Но судьба решила развлечься со мной! Женщина попросила меня чуть задержаться, она только сходит до магазина. Я осталась у закрытой двери. Жду, жду, день проходит, уже вечер, и он к концу. Я голодна, еды не брала с собой, рассчитывая вернуться домой к вечеру.

Опустилась тёмная августовская ночь. В коридоре тьма. Я сижу на чемодане. Где-то бьёт двенадцать. Пришла моя Мария, так имя женщины. Открыла двери комнаты, вошла к себе. Вышла, извиняется, не спешит взять муку и отдать пальто. Не прошло десяти минут, стук во входную дверь. Бежит открывать. Из-за двери голос: «Милиция!» Открыла. Вошёл в форме рослый мужчина. Показал ей корочки, сказал: «Проверка документов!». Раскрытая дверь её комнаты полностью закрыла меня, да ещё тьма в коридоре, я решила, что меня вошедший не увидит. Но он рванул дверь, обнаружил меня и недовольным голосом спрашивает, кто я такая и что тут делаю? Я встала и показываю паспорт, он у меня в нагрудном кармане. «А что в чемодане?» – спрашивает. Я объясняю. «Пойдём в милицию для проверки». Я заплакала, прошу Марию поручиться за меня. А та говорит, что милиция близко, сходишь и вернёшься. Я не иду. «Милиционер» подхватил мой чемодан и пошёл к выходу. Я бегом за ним. На улице тьма!

Шагов на двадцать отошли от дома, он поставил чемодан на землю, полез рукой в карман, достаёт предмет, похожий на наган. Луна осветила его зловещую фигуру с рукой, направленной ко мне и этот предмет. Я замерла, прощаясь с жизнью. В войну за буханку хлеба убивали, а у меня – три пуда муки! Но он отпустил меня, решил, что мараться об меня не стоит, что я глупа. Я потеряла силы от потрясения и голода. Очнулась – сижу на холодной земле. Бегом к Марии, благо ушли не далеко. Она впустила меня, разохалась. Не надо бы тебе с ним идти!.. Я всё поняла, не подняла ночью шума, попросила дать на ночь приют. И она решила, что я глупа... А

рано утром я обратилась в милицию, что тоже была не далеко от её дома. Тут и выяснилось, что попала я в шайку воров и убийц. Сын Марии отбывал срок в тюрьме, а приходил его сообщник. Дивились милиционеры, что меня оставили в живых! На квартире сделали обыск, много вещей нашли подозрительных, и ту муку, что я прежде привезла, и пальто, что должно принадлежать мне по праву, конфисковали, принесли в милицию. А потом, глядя, как я рыдаю, а я не знала, как показаться сестре, обливалась слезами, добрые милиционеры отдали мне моё добро.

Я схватила пальто, свернула, завязала в марлевую тряпку и дай бог ноги, умчалась на вокзал «Пермь-II». Потом бежала пешком двадцать километров, к реке прибежала уже темно, только луна светила. Перевезти на тот берег было не кому. Я решила идти по каменному броду. Пошла, Ногами шупаю камни. Прошла половину реки. В руке узелок с пальто. И – вот он, неверный шаг! Я оступилась и потеряла каменную тропу! Глубина – дна не достать! Я барахтаюсь, стараюсь найти камни. Не могу. Машинально держу узел с пальто. И вдруг слышу: «Правее! Правее забирай!» Спасительный окрик! Сумела повернуться правее и почувствовала ногой каменную твердь! Так и выбралась на камни, не выронив узла, только вымочила, барахтаясь в воде. Выйдя на берег, увидела спасителя. Это был рыбак Дороня, сухопарый рыжий старик, в своей бессменной истрёпанной соломенной шляпе. Я благодарю его за помощь, он только улыбается в усы, не глядя на меня. Я побежала к сестре, вся мокрая, как сказочная Ундина. Сестра уже горевала, меня не было неделю, должна была давно быть дома. Я рассказываю свои мытарства, и то, что чудом осталась жива, дважды спасённая. Сестра обнимает меня, плачет со мной. Уснули.

Утром, рассмотрев пальто, сестра избила меня. Пальто ей не понравилось...

Ужас в овощной яме

Расчудесная стояла пора года: май! Весна выдалась солнечная, даже жаркая. После разлива Кама входила в свои берега. За ней и наша Канава тоже. Наводнение в посёлке стихало, вода ещё заливала нижние улицы, что находились за нашим огородом. А там жила моя подружка, Людка. Я прибежала к ней, когда солнышко хорошо пригрело землю, и вода на улице стала тёплая. Нас сразу собралась стайка девчонок моего возраста, чуть постарше и помоложе, а мне исполнилось только что восемь! На днях. И сразу у кого-то появилась идея бродить по разливу воды. Чтобы обезопасить всю ораву, решили впереди пустить дозор. Одна девчонка с длинным батогом шла, прощупывая землю. Нам было весело, мы плескались водой, руками и ногами пуская фонтаны брызг во все стороны. Вскоре все стали мокрые с ног до головы. Подошла моя очередь идти впереди. Я пошла.

Не успела шагнуть и десяти шагов, как провалилась в глубину, не ожидая такого сюрприза! Батог я упустила и он уплыл. Я, как была на ногах, так и ногами вниз полетела в бездну! Я не достала дна, меня подхватила неведомая мне сила и толкнула вверх! Мои ладони скользнули по краю ямы, земля была скользкая, глина. Я сорвалась и так же стремительно полетела в бездну! Какие мысли были у меня в голове, не могу сказать, только всё моё существо пронзила острая боль, хотелось вдохнуть воздуха, инстинктивно я не делала вдоха. В уши заливалась вода с нежным звоном: буль-буль-буль. Было неприятно, кружилась голова, грудь раздирала боль. И снова необъяснимая сила подбросила меня вверх! Я ногтями пальцев ухватилась за скользкий, но спасительный край земли и забросила правую ногу на него. Не знаю, как удалось мне и второй ногой влезть на землю. Желание вдохнуть воздуха было так сильно, что я вот-вот бы не выдержала раздирающей грудь, боли. Но неосознанное упорство жизни гнало меня прочь от края ямы. Ползком, находясь под водой, ведь вода, когда мы пошли вброд, достигала выше колен, я старалась из последних сил отползти от страшной ямы. Без ясных мыслей, в великой борьбе за жизнь, я поднимаюсь на ноги. И только поднялась, вероятно, успела вдохнуть воздуха, потеряла сознание и упала вновь в воду, но уже головой от ямы! И тут же очнулась! И вновь встала на ноги, хватаю воздух всей грудью, не веря в спасение! Ужас погнал меня прочь от страшного места! Подружек – ни одной! Как ветром сдуло!

Разве я долго боролась за жизнь? Ни одна из них не закричала, не позвала взрослых спасать меня. Я вся мокрая, как снег белая, это мне сказала мать Людкина, когда я вошла к ней в дом. Она всплеснула руками, спросила, что случилось и где её Людка? Она одела меня в сухое бельё дочери, утолкала на тёплую русскую печь, дала горячего молока, они держали корову. Потом тихо-тихо заходит Людка. Мать схватила её и тут же надрала ей зад ремнём! Почему не закричала, не позвала на помощь, ведь совсем близко возле дома.

«Вот с тобой случится такое, и никто не позовёт взрослых, ты поймёшь, как бросать в беде друга!» Она ещё много говорила ей, но согревшись, я сладко уснула. А, проснувшись, добрая женщина сказала мне, что их сосед выкопал овощную яму осенью, не успел её доделать, оставил в зиму не закрытой, и вот что произошло... А ведь я чудом выбралась!

Первоапрельская шутка

В моё дежурство по вызовам кто-то записал вызов на дом к женщине, работающей на базе сырпрома заведующей производством. Был весёлый солнечный день – весна, первое апреля. Вызовов в этот день мне записали больше, чем обычно, и я решила не ходить на обеденный перерыв, чтобы не припоздниться на работе. Взяла список адресов, сумку скорой помощи и ушла из амбулатории. Первым делом пошла к женщине с сырпрома, она жила ближе других от больницы. Зашла в дом и как обычно, разделась, раскрыла «скорую» сумку, достала градусник, «больная» сидит за обеденным столом. Я ставлю ей подмышку градусник, пока её ни о чём не спрашиваю, жду температуру. И она ничего не спрашивает, кушает с аппетитом. Я взяла у неё градусник – температура нормальная. Теперь приступаю к опросу больной: «Что беспокоит, зачем вызывали?» Она смотрит на меня с удивлением, извините, говорит, я спешу на работу, приходила на обед. Теперь удивляюсь я, ведь я пришла обслужить больную на дому. Из семьи никто вызова не записывал, я собралась и вышла из дому. Обслужив все вызова, возвращаюсь к себе в больницу. Девчонка лет двенадцати, жившая рядом с больницей, ожидает меня у своего дома и» нараспев делает мне серьёзное внушение: «Первое Апреля – не будь Ротопеля». Оказывается, это она записала ложный вызов. Сказала, что её попросили. Ей смешно, и наказания для неё нет – ребёнок! Шутка простенькая, сходила я не далеко, только мне почему-то стало грустно в этот солнечный день. Как она будет шутить, эта девочка, когда вырастет, и над кем?

Неблагодарный подкидыш

Мороз стоял трескучий. Январь 1956 года. Метелям вроде ещё и рано, они обычно воют в феврале-марте, а в тот вечер такая снежная буря, да ещё при морозе градусов в двадцать пять. Мы, два сельских фельдшера, несли ночные дежурства в стационаре, что сами и построили для людей нашего сельсовета, деревянный домишко на две палаты, в которых поместились десять коек. Лечили тут больных, которым требовалась неотложная помощь, таким, как маленькому ребёнку, которого сложно отправить в районную больницу из-за тяжёлого состояния, или старушка, старичок, что не сможет влезть в кузов грузовика, автобусного сообщения с райцентром ещё не было. Для людей, конечно же, облегчение, а нам, патриотам-медикам, лишняя нагрузка к основной работе без дополнительной оплаты. Почему-то было так.

В это моё дежурство койки занимали три старушки по общему заболеванию, мама с ребёнком, больным расстройством желудка, агроном с тяжёлой двусторонней пневмонией, и перед моим приходом привезли пострадавшую от проходящего железнодорожного состава, добрую, очень милую, знакомую мне старушку. Бабушка ходила в церковь за семь километров, дорога шла вдоль железнодорожных путей, из-за шума метели старушка не услышала движущегося поезда, и её помяло, ран не было. Пострадали внутренние органы. Были и переломы рёбер. Больная была безнадежна, но меня узнала и улыбнулась мне. Из Перми позвонил её сын, тоже машинист паровоза, умолял меня любыми средствами задержать жизнь матери до его приезда. Ехать ему до нашей станции на скором поезде часа полтора. Я взглянула на всех других больных, все назначения им были уже выполнены, и сосредоточилась над умирающей старушкой. Ночью опустели кислородные подушки, пришлось срочно бежать в другое здание больницы, где стоял баллон с кислородом.

Открываю дверь, она не открывается! Что-то мешает снаружи! Толкаю со всей силой, кое-как сдвинула, высунула голову. Поперёк двери лежит человек! Я испугалась, ведь не слышно было ни шагов, ни стука, и, сколько он тут лежит, ведь мог и замёрзнуть до смерти! На помощь звать некого. Начала затаскивать здорового мужика, таким оказался новый больной, он был таким тяжёлым и неподвижным, я еле втащила его в коридор больнички. Мужик оказался молодой, весь пропах алкоголем, пьяный вдрызг! Видимо он потерял сознание ещё при друзьях, с кем вместе пил. Они и подкинули мне его без шума, знали, что его бы не приняли пьяного. А что он бы замёрз, их не обеспокоило. Если бы не кончился кислород, я не открыла бы дверей! А у мужика двое маленьких мальчишек, я узнала его, механизатора из близлежащей деревушки. Мне пришлось оставить умирающую бабушку, я провозилась с алкоголиком два часа, пока привела его в сознание. Маленькие дети могли остаться без кормильца!

Когда я смогла вернуться к искалеченной старушке, она была мертва! Я заплакала. Я понимала, кислород бы не спас, но, может быть, сын застал бы последний взгляд матери. Он приехал, но не застал! Мне тяжело было видеть, как плачет по матери пожилой уже сын, я плакала вместе с ним и чувствовала угрызения совести, что не смогла выполнить его просьбу. Но отца маленьких детей я спасла, он теперь спал безмятежным сном, прямо на полу, я положила ему под голову подушку и укрыла одеялом. Рассвело. Сын ушёл за подводой, чтобы увезти мать домой. Пьянчуга проснулся, огляделся, спрашивает: где он находится? Как попал сюда? Когда всё понял, всё что я ему сказала, сколько мне пришлось ползать на коленях возле него, чтобы вернуть его к жизни, умерла бабушка, оставленная мной из-за него, стал клясться, что отблагодарит меня за спасение. «Я принесу тебе пол-литру!» Вот такую благодарность он пообещал мне. Но расстаться с той пол-литрой он, конечно же, не смог. Такая благодарность мне и вовсе не была нужна. Но мужик прятался от меня с тех пор, на глаза не показывался. Жена же его сказала мне, что не надо было спасать алкоголика, житья от него нет! Вот так бывает в жизни!

Пуганая ворона и куста боится

По календарю уже была весна. Конец марта. А там, куда занесла нас с сестрой судьба, в далёких лесных деревушках, приход её пока не был замечен. Глубокие снега чуть-чуть подтаивали за день, а ночью покрывались толстой коркой льда. Ледяная корка называлась «настом». Бежать по этому насту было одно удовольствие, особенно в лаптях. Мне приходилось часто в эту весну бегать по нему по делам.

А дела были такие: то за хлебом за десять километров, то за медикаментами в районную аптеку за пятнадцать километров. В аптеку я стеснялась входить в лаптях, я их прятала в снегу возле коновязи. В помещение входила, одев на ноги маленькие старенькие калошки на чулок, чем удивляла аптекарей. Они спрашивали меня, как я дошла в такой обуви? Я смущалась и не отвечала, в душе боясь, что вдруг мои лапотцы кто-либо найдёт? Вот тогда я и запляшу на обратном пути, можно сказать, босиком! Но мои лаптишки никому не были нужны, и я бежала в них, как в «сапогах-сорокоходах». Такое было не раз.

Но сегодня я шла по лесной дороге не одна, а с сестрой, моей начальницей и повелительницей. Мы шли лесной дорогой в дальнюю маленькую деревушку делать малышам прививку от дифтерии и, заодно, весенний обход изб и дать наставления жителям, как избавиться на лето от мух, как жить без вшей, тараканов и прочей твари. Мы шли не в лаптях, сестра их не одела бы ни за какие блага. У неё уже были настоящие валенки, скатанные местным каталом. У меня старые-престарые, чуть повыше лодыжки, но все-таки валенки! Сестра была в благодушном настроении, не ругалась. Говорили на отвлечённые темы. И я была довольна нашей беседой. Дорога шла среди высоких пихт и елей, тесно подошедших к тропинке и нависавших над ней.

Частые повороты тропинки закрывали даль, было ощущение, что мы одни в дремучем зимнем царстве. Я осматривала каждое дерево, удивляясь ему и восхищаясь его могучей силой. Вдруг, из-за крутого поворота выскочил зверь, небольшой, но страшный-страшный! Он кинулся было на нас, немного приостановился, и мы рассмотрели его, перепуганные насмерть. Мы даже присели со страху! Это оказался крупный заяц, меняющий шубку с белой на серую. Белая шёрстка местами болталась клочьями, среди этих клочьев выглядывала новенькая, блестящая серенькая шкурка. Какую-то минутку мы рассматривали друг друга, тут заяц стремительно дал стрекача в сторону и исчез между деревьев. Мы с сестрой пришли в себя и долго смеялись над испугом и над косматым зверем. Заяц пугал меня и раньше, в нашем родном, Дедюхинском, лесу в мои детские годы, но об этом после. И получается, что, как говорится в народе, пуганая ворона и куста боится.

Урок «русского» языка, или мужик в луже

Далёкое босоное детство. Но такое любознательное, как у всякого малыша. Всё хотелось знать, на всё найти ответ. Бесконечными «почему» я мучила папу при каждом удобном моменте. Он был очень начитанный человек, и никогда не оставлял меня без ответа. Иногда его ответ ставил меня в тупик, и тогда другой ответ я мучительно искала в другом месте. Многих слов родного языка я ещё не знала и не слыхала. И вот настало время познакомиться с родным русским «фольклором». Благо и «преподаватель» оказался в глубокой луже у отцовского дома. Он не имел сил выбраться из неё самостоятельно, а поблизости никого, кто бы мог помочь.

Мне было лет семь, я любила лазать по деревьям да по крышам и с высоты наблюдать за поведением людей, и любоваться окрестностями. И сейчас я сидела на конке крыши нашего дома, ноги свесила по скатам досок, и глядела вокруг сверху вниз. Мне было очень удобно и приятно. Летний день был на исходе, солнышко не жгло, недавно прошёл сильный дождь, деревья ещё не успели отряхнуться и блестели в сказочном убранстве драгоценных камней. Мне хотелось найти настоящий изумруд, или сапфир, я о них читала и в разговорах взрослых слыхала, и искала их в разных местах. Я сидела и размышляла. Вдруг мой взгляд упал на землю возле дома, в сухое время тут было углубление и трава не росла. В дожди набиралась вода и смешивалась с землёй, превращаясь в глубокую лужу. И вот в этой луже, как в западне, барахтался мужик. Он поворачивался с боку на бок, ползал на коленках, иногда уже казалось, что вот-вот выберется, справится, но снова шлёпался то на спину, то на живот. И так было забавно смотреть на него сверху, я умирала от смеха. Но вот его терпение кончилось, мужик начал ругать лужу, погоду, жизнь, жену и детей! И такими словами он поминал мать, отца. Но больше мать. Но слова подбирал такие... Да и целые выражения... Я жадно их слушала, хотя смысл их был мне не понятен. Одно я поняла, что речь мужика не из литературных произведений. Но, не в похвалу мне, все они, эти слова – запомнились. В конце концов, мужика вытащил другой мужик, посадил его на землю, оттащил от лужи и ушёл. А этот тут же уснул. Земля тёплая, солнышко греет, мужик спит. Я спустилась с крыши и забыла про мужика. Но вот, дня через два, нас девчонок, человек шесть, моих ровесниц-подружек, собралось в маминой половине дома, у сестры Риты, что жила с мамой, а я с папой. Мы собирались там ватагой, когда мамы не было дома и веселились. И в тот день тоже было весело. И кто-то из подружек, уже знающих русский фольклор, предложил провести конкурс на эти самые, «фольклорные» слова. И мы стали соревноваться. Девочки выступали одна за другой. Сестра была постарше всех, и была за судью. Девочки знали немного слов – одно, два.

Подошла моя очередь. Я собралась, и выложила всё, что услышала у мужика из лужи. Выступала с выражением, громко. А окно мы на улицу не закрыли, ещё не знали, что ведём себя неприлично. Ума ещё было мало. Мимо дома шла соседка, Наталья Малютина, мой враг номер один. Мы не ладили с её сынишкой, я его била. А она била меня, когда ей это удавалось. Соседка прислушалась, моё выступление её заинтересовало, она подпрыгнула и заглянула в окно. «А-а-а, – растянула она, – Вот ты что рассказываешь! Скажу мачехе!» Нас словно громом ударило! Мы все сели на пол и не могли прийти в себя! Все поняли, что натворили что-то ужасно нехорошее. Я не знала, как появиться домой? Ясно, что меня ждёт ремень! Домой идти все равно пришлось, хотя я появилась там за полночь, надеясь, что мой приход не заметят. Но меня ждали. И папа, и мачеха спать не ложились. Я вошла, уже чувствуя себя виноватой. Еле перебирая ногами, голова низко опущена. Когда и вины за собой не вижу, все равно перед мачехой как будто провинилась, а сейчас – точно, виновата. Ведь Наталья доложила о нашем сборище, и о моём выступлении. Мачеха скрутила полотенце, она всегда его скручивала потуже, чтобы было больнее.

«А скажи-ка, повтори-ка своё выступление, только слова говори те самые!» У меня сердце похолодело! Но в этот раз выручил папа. Он с весёлым видом сказал, чтобы я не боялась, а повторила только то, что слышала соседка. И подмигнул мне незаметно для мачехи. Я повеселела, и, вдохновенно, с выражением, для папы, повторила мужикову ругань. Да ещё рассказала, как мужик ползал в грязной луже, крутился как пельмень в уксусе, и как его вытащил другой мужик и оставил тут грязного и мокрого, и как он тут же и уснул! Папа был очень доволен моим рассказом. Закинув голову назад, он хохотал так заразительно, что ни я, ни мачеха не могли удержаться, и тоже расхохотались. Успокоившись, папа сказал мне, чтобы я больше никому этого не повторяла, слова эти очень неприличны. Я запомнила его совет и «плохих» слов не говорила. Но знала, что есть такие слова, которыми пользуются или пьяные, или хулиганы.

Плот подвёл

Весна 1940 года. Такая весёлая, солнечная. Май месяц. Мне пятнадцать лет, я студентка первого курса медтехникума. Дело перед переводными экзаменами, я простудилась, и у меня признали сухой плеврит. Мои преподаватели-доктора дали мне кучу рецептов, на месяц освободили от занятий, отпустили домой в Дедюхино лечиться и готовиться к экзаменам. Лечиться я не лечилась. Правда, один раз сходила в амбулаторию на банки, остальное время проводила весело, иногда садилась за анатомию. Наука скучная, но преодолеть её необходимо для избранной профессии.

День воскресный, солнечный. Кругом сверкает вода. Кама разлилась, затоплены улицы, огороды. Одним словом – не до анатомии. Папа пьёт вино, мачехи нет дома. Выскочила в ограду. Дядя Петя, что выменял мамину половину дома на свой крохотный домишко на окраине Дедюхино, сидит на крыше, ремонтирует её. Увидел меня, кричит: «Плот, плот делай, плавай, пока вода в огороде!» И мне действительно, так захотелось сделать плот и поплавать по огороду! Я прибежала к папе спросить разрешение на постройку плота. Папа не соглашался, я умоляла, он разрешил. С условием: не потерять плот, чтобы он не уплыл без присмотра – доски и брёвна большая ценность. Я обещала, выскочила за дверь. Резво взялась за дело. Собрала всё необходимое. Брёвнышки были короткие, метра по полтора, или ещё короче. Да и было их всего три. Я, не задумываясь над всем этим, приколотила к ним старую дверь от туалета и плот, на мой взгляд, – готов! Подтащила его к воде в огороде, вместо весла прихватила багор, которым пользовалась при ловле брёвен на лодке. Этим промыслом я занималась каждую весну в половодье, обеспечивая дровами на зиму семью. Была за мальчишку, папа доверял мне все свои инструменты и лодку. Недолго думая, вскочила на плот, оттолкнулась багром, плот отъехал от берега метра на три, выехала на глубину, земля огородная опускалась под горку и поэтому сразу же под плотом оказалась глубина. Я решила повторно оттолкнуться багром, переместив его вперёд плота. Но как только я подняла багор, чтобы повторно оттолкнуться им о землю, о ужас! Плот не выдержал моей тяжести, и я потонула вместе с ним! Плот вынырнул из-под меня и один, без меня, поплыл вдаль от берега! Я в пальто, ботинках и в шапке, не ожидала такого. Вся промокла, поплыла к берегу. Глянула – мой плот уплывает! А папе обещала не потерять его! Снова бросилась в воду, доплыла до плота, схватила за доску и прибуксировала к берегу, не успев испугаться. Дядя Петя хохотал на крыше! В растерянности стою у воды. «Иди скорее к нам на печь, греться!» – кричит наш сосед. Домой идти страшно, побежала к дяде Пете, в мамину половину. Жена Петра переодела меня в сухую одежду, дала кружку горячего чая и утолкала меня на печь. Я согрелась и уснула. Пальто моё отжали, сколько-то посушили, пока я спала. Ботинки ещё были мокрые, но я, встав с печи, оделась и ушла домой. Никому об этом ничего не рассказала, никто не заметил моей мокрой одежды, всё прошло гладко. И дядя Петя с женой не сказали об этом случае ни папе, ни мачехе, жалея меня. А я после этого холодного купания перестала кашлять и забыла, что по болезни освобождена от занятий в техникуме. Экзамен по анатомии я выдержала на четвёрку, перешла на второй курс. Дядя Петя не мог меня видеть без смеха. А ведь, если бы я тогда начала тонуть, он не успел бы и с крыши слезть, чтобы спасти меня. Сама дивлюсь, как я справилась? Видимо, только страх перед папой не сдержать слова, что не потеряю плот и спас меня. Всё произошло так стремительно, быстро, я и испугаться не успела!

Яишница в кармане

Мне было восемь лет. Я ходила в первый класс вместе с закадычной подружкой, Надей Барановой. В свободное от школы время я стремилась выбраться из дому и бежала к Наде. Я любила её сестричек, их было три: Лиза, Лина и Рита. Надя – старшая, опекала их, поила, кормила, заботилась. Да и по домашним делам была главная. Папа их умер, мама работала почтальонкой в соседнем посёлке Лёнве, где и родилась, там жила её мать и сестра. Надина мама у них частенько и ночевала, велела девочкам приглашать меня ночевать у них. Я любила ночевать у них, нам было весело. Я рассказывала им прочитанные рассказы и повести, знала много сказок. Засыпали мы под утро. Так было много-много раз. Их мама относилась ко мне с большим пониманием, разговаривала со мной, как со взрослой на разные темы. Она интересовалась моей домашней жизнью, отношениям с мачехой, жалела и кормила меня, всегда наливала чашечку молока. Они держали корову.

Как-то, уже осенью, мачеха послала меня к Надиной маме, попросить два куриных яичка взаймы. Я с охотой побежала в любимый мной дом, бежать было совсем недалеко, жили на одной улице, через несколько домов. Девочек где-то не было, я застала дома их мать. К ней как раз и было у меня дело. Я попросила яички, она их мне дала. Глупенькая, я их положила в один карман пальто и уже встала на порог во дверях, чтобы попрощаться. Тётя Валя, так звали маму моих подружек, по своему обыкновению, задержала меня расспросами о том, да о сём. Рассказывая ей, о чём она хотела знать, я забыла об яичках в кармане. Удовлетворив любопытство, тётя Валя отпустила меня. Я ударила дверь боком, чтобы открыть её. О, горе мне! Я услышала хруст раздавленных в кармане яичек, так как именно тем боком толкнула дверь, в кармане которого лежали яички! От ужаса перед побоями мачехи я так громко заревела, что перепугала добрую женщину. Она не знала, какая трагедия случилась у меня в кармане. Я, пригнувшись к полу, плачу, обливаясь слезами, тётя Валя тормозит меня, стараясь понять, что случилось со мной: ведь только что весело болтали! Еле-еле она поняла причину моих горьких слёз и расхохоталась! Ведь ей два яичка ничего не стоили, кур у них было много, не то, что у нас – больше двух не бывало. Она дала мне два других, сказала, чтобы я их несла в руках, в ладонях. Я донесла их целыми. А те, что сломанные лежали в кармане, но вытекать не вытекли, вытряхнули и использовали в пищу. Мы с питанием всегда жили плохо. Получилось, что я вместо двух, принесла четыре яичка. Вернули только два! И горе, и слёзы мои были зря, всё так хорошо обошлось!

Тыква

1934 год. Я перешла в третий класс, были летние каникулы. Погода во времена моего детства была такая устойчивая, лето – так жара, солнце печёт, а трава, деревья, огородная овощ – всё растёт, всё зеленеет! А быть дождю, или грозе, – так перемена погоды долго-долго зреет, приближается. И, бывало, глядишь на небо и рассчитываешь время дождя... А теперь – без предвестников, то гроза, то ураган!

Не знаю, может мне так кажется, от детских времён утекло много воды... Да, то лето было замечательное. В жару бегали купаться. От дождя заблаговременно укрывались под крышу дома. Каникулы подходили к концу, но погода всё была золотая. Не думалось о школьных занятиях, ещё не все летние задумки претворены в жизнь, много-много надо успеть сделать до школы. Мы сидели с Надей на крыше нашей бани, мы обе любили лазить по крышам, весело болтали языками.

Баня стояла почти вплотную к огороду соседки Малакотихи, загадочной старушки, никогда к нам не заживавшей, да и на улице её никто не видал. Всю жизнь она проводила в своём подворье. Маленькая, одетая в тёмное зимой и летом, никогда со мной не разговаривала. Я боялась её, думала, что она колдунья. Через многие годы узнала, что она нам родственница по маме. И вот с крыши мы увидели, что близко-близко к забору растёт могучий куст с огромными листьями на толстом стебле. А огромная круглая, яркими полосами раскрашенная тыква свесилась через забор в узкий проходик за баней на нашей территории. «Ага! – сказали мы с подружкой, – тыква-то наша, у нас живёт!» Скорёхонько слезли с крыши, я сбегала за папиным острым ножом, срезала тыкву, а она такая тяжёлая, еле держу обеими руками! Мы с Надей никогда не пробовали тыкву на вкус, думали – как арбуз!

Дома на ту пору никого не оказалось, мы с тыквой и с ножом забрались в подвал нашего дома, надеясь полакомиться сладким плодом. Сделали небольшое углубление на земляном полу, уложили круглую желанную, чтобы не каталась и отрезали себе по огромному ломтю. Жёлтая, влажная, маслянистая мякоть плода ласкала наши жадные взоры. Мы враз вонзили зубы в мякоть. Первый глоток не произвёл впечатления. На втором и третьем нас перекосило! Жевать больше не захотелось, такая оказалась бяка, эта тыква, хотя на взгляд была – загляденье! Выплюнули остатки, что не проглотилось, и стали думать, как спрятать концы преступления? В груди моей колотилось сердечко, страх перед тем, что преступление откроется, куда девать эту огромную ягоду? И тут меня осенило: ножом вырыла вместительную яму, закатили в неё тыкву, зарыли и затоптали. И концы в воду! Из подвала вышли через другую половину дома, тихонечко папин нож положила на место, никто нас не заподозрил в хулиганстве, всё прошло.

Я и думать забыла про всё это, только встретясь с Надей, мы вспоминали тошнотворное чувство и обманутые надежды. Но через несколько дней я была в огороде, за забором что-то в своём огороде делала Малакотиха. Она расклонилась, ласково посмотрела на меня и поманила к себе пальцем. Я так обрадовалась её ласковому взгляду, подскочила к забору. Она протянула ко мне руку. Я подумала, что-то она мне даёт, совсем близко к ней придвинулась, а она, ведьма, всей ладонью так больно вцепилась в моё ухо и давай его крутить! Я завывала от боли, а она приговаривает: «За тыкву, за тыкву, за тыкву! Кроме тебя – некому!» Я замолчала, вырвала ухо и убежала. Мачехе старуха не пожаловалась, останков тыквы в подполье не нашли. Но старуху Малакотиху я обходила стороной, близко к нашему смежному с её огородом забору не подходила. Прожили рядом дом к дому ещё несколько лет, близко я её больше не видела. Разве что издали.

Земля прыгает, или пьяная кроха

Поставила мачеха брусничную настойку, не знаю по какому случаю, к празднику ли, к чьим-то именинам, или просто так. Стали они с папой её пробовать, хвалить. Я была возле, папа дал мне задание обменять его библиотечные книги. Это была моя обязанность с шести лет. Я ходила в рабочий клуб, там была библиотека. Библиотекарьша, Елизавета Степановна, знала меня и всегда мне для папы давала по несколько книг сразу. Я собралась идти, решила только прихорошиться: на окне пышно расцвёл комнатный цветок «царские кудри». Его отдельные цветочки были так хороши, красные лепесточки торчали в стороны, обнажив длинные розовые тычинки и белый пестик в середине.

Я сорвала два цветочка, привязала на ниточку и, сделав петлю, одела на уши, как настоящие серьги. Полюбовалась на себя в зеркало, взяла стопку книг и уже пошла ко дверям. Мачеха окликнула меня, я подошла к ней, ожидая, что она скажет мне. Она же налила в чайную чашечку брусничной наливки, дала мне её выпить. Какая сладкая! А вкус – букет! Я никогда ещё не пробовала такого и попросила налить мне ещё. Мачеха посмеялась и налила. Я выпила и побежала.

Я успела обменять папины книги, взамен несла новых пять книг, сложив одна на другую и все положив на правую руку, побежала домой. Было мне семь лет, но никто верить этому не хотел, говорили, будто я шибко мала. Я не чувствовала и не понимала, мала ли, велика. Мне было удобно в своём теле и на моих маленьких ножках, хотя и про ножки спрашивали, баско ли мне на них ходить? Я говорила – баско, осматривала свои в «цыпках» грязные ножонки и убегала. Сейчас тоже было лето и босые ноги были в «цыпках». Это такие мелкие трещинки, ранки на коже от грязи. Мыть ноги было нестерпимо больно из-за этих «цыпок». Другим ребятишкам матери мыли ножки и смазывали либо маслом, либо сметанкой. На мои ножки никто дома не смотрел и я их не мыла никогда, разве что в бане, да при купании в реке помокнут, да обсохнут.

Из библиотеки я бегом бегу домой, чтобы обрадовать папу новыми книжками. Но, вдруг, земля под ногами заходила кругом, потом стала налетать на меня, словно стена преграждала мне дорогу. Я искала проход, металась из стороны в сторону, стена давила меня сверху, а потом я потерялась. Ещё слышала голоса, женщина кричала, что у меня из ушей кровь течёт. Я пришла в себя дома, лежала на деревянном диване, который очень любила, как стала помнить себя. Надо мной склонилось озабоченное лицо отца. Я всматриваюсь в его глаза и спрашиваю: «Что случилось?» Он берёт мои руки в свои, смотрит на них, а на них кровавые ссадины. Много. От локтей до кистей. В ссадины въелась земля. Возле нас стоят соседки, голоса их я слышала перед тем, как потерять сознание. Они кричали, что из ушей у меня выступила кровь. Это они за кровь приняли привязанные к ушам цветки «царских кудрей». Все смотрели на меня участливо, жалостливо. Я хотела вскочить, дёрнулась, а тело не слушалось меня. Я ещё попыталась пошевелиться, но напрасно. Тут мачеха вспомнила, что перед моим уходом в библиотеку она дала мне выпить брусничную настойку. Сразу все засмеялись, повеселели, поняли, что дорогой я опьянела. Книжки кто-то собрал и принёс папе. Я лежала и думала, почему земля преграждала мне путь? Я спросила об этом у папы, а он засмеялся и сказал: «Ты, моя малышка, сделалась пьяная, а у пьяных всегда так. Земля пьяных не любит, и сталкивает их с ног».

Так вот оно что, задумалась я, выходит, что земля живая! Захочет, и свалит с ног, и ничего с ней не поделаешь! Она сильная и большая!

А потом мне вымыли руки, ссадины мачеха натёрла солью. Ох, как это было больно. Про йод, видимо, не знали. Руки мои зажили, но у меня появилась привычка наблюдать за пьяными мужиками, как они боролись с Землёй. Не победить её, не обхитрить!

От жилетки рукава

Мне ещё и четырёх лет не было, но я внимательно прислушивалась к разговорам взрослых. Вечерами приходили к бабушке её знакомые старушки, и начинались разговоры, сперва о том, о сём, о дневных делах-заботах. Говорили про своих знакомых, кто-то женился, кто-то умер. Умершие, по рассказам, всегда оставляли родным наследство. Перечисляли, что было оставлено тому-то, и тому-то. Днями я почти всегда была дома одна и подолгу размышляла об услышанном. Я очень любила слушать сказки взрослых, хотя, рассказывая, взрослые верили в то, что есть черти, колдуны, что покойники ходят, пугая людей, иногда мстят за нанесённые обиды при их жизни. Слушать было интересно, но очень страшно. Оставаясь одна, я боялась слезть с печи. Со слов старух, печь была святым местом, не доступным нечисти. Я много лет верила этим сказкам. Но рассказы о наследстве мне больше нравились, я захотела получить наследство.

Но от кого? И я решила спросить у папы, что он мне оставит в наследство, когда умрёт? Мой глупенький умишко ещё не понимал, какая это трагедия, когда умирает родной, любимый человек. Я думала о наследстве. «Папа, что ты мне оставишь?» – опять спросила я папу при удобном случае. Я не понимала, что делаю ему больно. Он не ругал меня, спокойно сказал, что оставит мне от жилетки рукава. Я не спрашивала, что такое жилетка, у папы её не было, но что такое рукава, я знала. Я думала, что рукава от какой-то одежды, но, раз они оставлены в наследство, значит, они усыпаны драгоценными камнями, очень-очень дорогие! Я не стала больше приставать к папе с переспросами о рукавах, но часто думала про них. Я их видела, как самые настоящие, сверкающие драгоценностями. Года два я думала про рукава от жилетки. Однажды пришёл ко мне соседский мальчик, Геня Оносов, мы дружили с ним. А на нём поверх рубашки тёмненькая безрукавочка! Я внимательно осмотрела его наряд и спрашиваю, взявшись за полочку безрукавки, что это? Это, говорит, мама сшила мне жилетку! «А где же рукава?» – снова спрашиваю я. А жилетка всегда без рукавов, ответил Геня. Я, было, упала духом, приуныла. Но надежда вновь окрылила меня: ведь у папы жилетка будет обязательно с теми рукавами, которые придумала я! Но больше к папе приставать не стала. Я не хотела, чтобы папа умер. Но этот смешной эпизодик из моего детства я не забыла, и рассказывала о нём своим детям. Они смеялись!

Акулина Семёновна

С Акулиной Семёновной я познакомилась в 1946 году, сразу как приступила к своим обязанностям фельдшера, на крупной железнодорожной станции Менделеево. Я вела приём больных, всё шло размеренно, спокойно. Я расспрашивала о самочувствии, мне рассказывали. Я записывала, осматривала. Давала советы и рецепты на лекарства.

За окном по дороге шла женщина с вёдрами воды на коромысле. Вдруг, она упала на землю, спешно отставив вёдра. Подняла к небу, чистому, синему обе ноги и быстро-быстро задрыгала ими, словно в бешеном танце, приподнимая нижнюю часть тела, чтоб помочь ногам достать небо. Происходящее на улице заинтересовало меня. Я несколько минут наблюдала, сдерживая смех. Пляска не прекращалась, вроде женщине хотелось топтать по небесному своду. Больной, что я осматривала, тоже наблюдал эти необъяснимые дрыганья ног. Помолчав, он сказал: «Так это же Акулина Семёновна вправляет паховую грыжу! Это у неё бывает часто, падает, где попало!» Я помедлила, решая, вмешиваться ли в происходящее, решила, что должна и выскочила на улицу. Подбежав к пляшущим ногам, я тихонечко взяла их в обе руки. Женщина закричала, отпिनываясь от меня. Я окликнула её по имени-отчеству. «Уйди, уйди, уже заканчиваю, сейчас встану и пойду!» И верно, не спеша, встаёт, провела руками от паховых областей по животу, встряхнулась, взяла коромысло с вёдрами и пошла, не посмотрев на меня. Я постояла в недоумении, и вернулась к больным.

После работы я хотела навестить женщину на дому, но было несколько вызовов, и я не успела к ней зайти. Прошло ещё несколько дней, а я всё не соберусь посетить женщину. Опять с утра я принимаю больных, а день – чудеснее некуда, конец июля! От железной дороги по нашему переулку к больнице идёт молодая женщина. У самого окна к ней неожиданно подскакивает другая, лица не видать. Схватывает женщину обоими руками за волосы, наклоняет её до земли и пинает обеими ногами попеременно, то одной, то другой! Женщина бьётся, вырывается, но не тут-то было! Волосы крепко схвачены! Но вот та, что налетела, вдруг валится на землю, и точно так, как я увидела в тот день, заводит танец подошвами к небу! Понятно, хулиганила Акулина Семёновна! Освобождённая женщина выпрямилась, отряхнулась, поправила волосы и ушла. Акулина Семёновна притихла, лёжа на спине, погладила некоторое время живот, встала и тоже пошла вслед за ушедшей, но не спеша. Больные, что были у меня, знали всё про всех. Они рассказали мне, что Акулина поколотила соперницу. Был у них общий возлюбленный, Макар. Меня одолело женское любопытство, захотелось взглянуть, что за Макар? Стоило ли драться за него? Мне его указали. Бездомный мужик, пришлый, штаны сваливаются, он то и дело подхватывает их, лысый. Ночует, у кого придётся, а вот видишь – дерутся за него женщины! Поистине: любовь зла!

В конце лета Акулина Семёновна прибегает ко мне в кабинет возбуждённая, дальше некуда! С ходу требует справку об изнасиловании, для суда. Я ничего не понимаю из её объяснений о происшествии. Усадила пострадавшую, успокаиваю, прошу объяснить спокойно, что произошло? Акулина Семёновна рассказала: «Ходила я в гости к племяннику за семь километров от станции. Он работает путеобходчиком, живёт в железнодорожном домишке, возле пути. Попили чайку. Собралась в обратный путь. Племянник пошёл проводить. Акулине пятьдесят восемь лет, сколько лет племяннику – забыла! Дорогой племянник изнасиловал тётку пять раз! Извращённо!

«Давай справку для суда!» Показания женщины записала, осмотрела тщательно, следов побоев, изнасилования нет. Ей сказала, что справку выдам по требованию следователя, не на руки пострадавшей, а в дело. Таков порядок. Заверила пострадавшую, что тайна её не будет предана гласности. Но, вскоре, по посёлку только и разговоров было, как об Акулине Семёновне. Как семь, уже не пять, раз изнасиловал её племянник, и что ставил её «раком». И что

рассказы эти вышли из уст самой пострадавшей! Ко мне за справкой никто не обратился. Суда не было! Долго смеялась округа, на все десять километров, может и дальше.

Через год я вышла замуж и оказалась соседкой Акулины. А впоследствии мой шестилетний сынишка решил жениться на Акулине! Уж очень она его пленила, хотя было ей почти семьдесят! Мальчуган с друзьями заходил к ней в домишко несколько раз. Она любила ребятишек, угощала их просвирами, что пекла для церкви, на столе у неё всегда были груды медяков, которые она ставила башенками, чем и интересна была малышам. Она в ту пору служила помощником церковного старосты. Церковь находилась в деревушке за семь километров.

Одним летним вечером я пришла с работы домой, сынишка застенчиво просит меня поговорить с ним. Я присела перед ним на корточки, давай, говорю, я слушаю. Смущённо глядя вниз, он сказал, что решил жениться! На Акулине Семёновне! Как же, думаю, выйти из затруднительной ситуации? Не готова к разговору на эту тему! Сообразила! Говорю, вот папа придёт с работы, все вместе и поговорим!

Дождавшись папу, завели серьёзный разговор. Сынишка сидит серьёзный, с опущенной головкой, как настоящий жених, смущён. Папа выслушал сына, сказал: «Дело серьёзное, надо подумать. Но раз уж ты вырос и решил жениться, то перед женитьбой помоги мне на зиму испилить дрова, брёвна, что привезли из лесу, лежат возле дома. Тогда и свадьбу закатим!» Пошёл сын осматривать брёвна, которые нужно испилить и искомлоть, сложить в поленицы. Работа большая! Долго малыш осматривал брёвна, что-то думала буйная головушка, но о женитьбе разговор больше не поднимался.

Русские кукарачи

Видел ли кто-то столько этих кукарачей, сколько я их, противных тараканов, увидела в военном, 1943, году зимой! Это кошмар из страшной сказки, что рассказывают на ночь. Сколько их может войти в десятилитровое водоносное ведро, если учесть, что они довольно длинные, рыжие, как степные шакалы жадные. Противные! Вот для птиц они хороший корм. Недавно узнала, что и для человека они съедобны, деликатес! В специальных дорогих ресторанах их подают, по каким-то рецептам готовят. Только как их кушают? Моих знакомых от этого известия передёрнуло. Но не хочу, чтобы и вас тоже, не для того рассказываю. А только тогда, в 1943 году я на них такое зло заимела, никогда не прощу!

Я приехала к сестре пожить у неё и работать с нею на фельдшерском пункте в далёкой лесной глубинке. Фельдшерский пункт находился в добротной, крепкой, деревенской избе, не старой, под железной крышей. Внутри опрятно и очень чисто. Хозяйка избы, молодая баба Клавдя, бездетная, симпатичная, черноглазая, черноволосая, с прямыми чёрными бровями врзлёт, тонким носом и тонкими упрямыми губами сдавала помещение райздраву за деньги. Коротала время в ожидании писем от мужа-фронтовика, её разлюбезного Офони. Поженились они перед самой войной. Офоня оставил ей на воспитание братика Колю, очень не симпатичного мальчишку лет одиннадцати. Не ухоженный, коросты на волосистой части головы, ячмень на веке, рыженький, вечно сидел на печи. Он не ходил в школу, не было одежды. И грамоты совсем не знал, не умел читать. Совсем заброшенный ребёнок. Я с первых же дней по приезде присмотрелась к ребёнку, и так мне стало его жаль: как есть повторяется моя судьба. Тоже так была брошена, голодная и грязная, и так же целыми днями пять лет сидела на печи. Пять голодных лет, но мне их никогда не забыть!

Клавдя иногда окликала Колю, он спускался с печи и что-то ел. Он был молчалив, понимал, что никому не нужен. В свободное от основных дел время, а его было у меня очень мало, я полезала к нему на печь, смазывала голову мазью, прижигала ячмени и рассказывала о городе, из которого приехала, что видала, слыхала, и что читала. Он жадно слушал, раскрыв рот, и то и дело повторял: «Лико што! Лико што!» Мы подружились, но дружба была недолгой. Читать Коля не умел. Как получилось такое, ведь в те годы проводилась линия всеобщей грамотности, боролись за каждого взрослого, а тут ребёнок десяти лет в школу ещё не ходил? Это Клавдя не хотела справиться ему одежду. Я прожила в их избе с сестрой полмесяца, исполняя обязанности санитарки. Мы питались с сестрой плохо, несмотря, что жили в деревне. Во время обеда мы уходили к старушкам, не вместе, к разным старушкам, чтобы не так им было в тягость. Но вот у нас появилась картошка, кто-то из больных принёс. Сестра велела сварить к обеду в чугушке. Клавдя рано топила русскую печь, я встала и попросила у неё чугушка. Она дала. Я положила в него несколько картофелин и поставила к огню. Когда картошка сварилась, я убрала чугунок на шесток и закрыла крышкой, оставила до обеда. Клавдя надолго ушла из дома по своим делам. Коля спал на печи, мы с сестрой принимали больных стариков и старух, молодые не приходили в больницу: мужики были на фронте, бабы – на лесозаготовках. В обеденный перерыв вспомнили о варёной картошке. Сестра села за стол, ждёт её. Я пришла к печи, взяла чугунок, приготовила тарелочку, чтобы выложить картошку. А картофелинки жёлтые, огнём подрумяненные, слюнки текут! Хвать одну – рука схватила пустоту! Ничего не поняла! Беру другую – то же самое! Притащила к столу весь чугунок, стали рассматривать другие, оставшиеся. Они как лежали, так целенькие и лежат! Но шкурка вся проедена мелкими-мелкими дырочками! Внутри так чисто, картофельного и в помине нет! Одна не съедобная шелуха! Стали думать, что же это случилось? Коля с печи услышал наш разговор, сказал, что это тараканы! А мы их и не видали, всегда в избе была чистота. Коля рассказал нам под честное слово, чтобы Клавдя не узнала, она кормила тараканов на полатах, по какой-то своей религии считала их святыми. В

специальном деревянном корыте замешивала им месиво из муки с отрубями. Но верно сегодня их не накормила, они съели нашу картошку. Ночами, Коля и это знал, в глухое и тёмное время, они выползали на пол, покрывая его толстым ковром. Мы с сестрой ночью спали, нас пока ночами больные не беспокоили, и мы об этом не знали. Часов в пять утра я встала, зажгла свечу и решила проверить Колин рассказ. Клавдя спала в своей спальне. Я осветила пол, и чуть в обморок не упала!: Этих кукарачей были тысячи! Они шевелились, как волны на воде! Я прямо по ним пробежала до дверей, в сенях схватила водоносное большущее ведро, заскочила в избу и давай пригоршнями бросать их в ведро. Моментально его наполнила с верхом! Бегом на улицу, и на чистый, белый снег опрокинула ведро!

Коричневое содержимое немного пошевелилось, пытаясь разбежаться в разные стороны, но быстро успокоилось. Придя в дом за новой порцией живого товара, я уже их не застала. Убежали! Утром птицы устроили пиршество, всех кукарачей склевали! Я четыре утра вставала в темноте, при свече, в приготовленное заранее ведро лопатой набирала, сколько успевала собрать! Я мстила за съеденную нашу картошку, да и санитарию наводила. Клавдя вскоре узнала о моих проделках, узнав, прогнала нас вместе с медицинским инструментом вон из её избы! Нам пришлось обживать заброшенный дом, мыть, белить, приводить в жилой вид и тут же оборудовать амбулаторию. Больше с Клавдей и Колей не общалась. Я много времени проводила в командировках, а весной нас с сестрой перевели на другой участок, километрах в двадцати от прежней деревни, произошло новое деление границ районов. И в тех местах я никогда больше не была: не привелось.

Сваха, или людоедские страсти

Через два месяца мне исполнится пять лет, в мае, а сейчас март. Днём солнышко светит, даже капает с крыш. Но и снег ещё валит, и даже метели метут! А дома у нас такое! Папа нашёл невесту, хочет жениться! Сестра против, а мне интересно! Мама наша умерла в больнице. Мы не видели её мёртвой, папа не привёз её домой, нам сказал о её смерти. Мамы не было дома целый год. Папа очень поздно приходил домой, всё после работы ходил в рабочий клуб. Невеста служила в клубе техничкой и сторожихой. Звали её Клавдия Фёдоровна.

Папа сказал, что хочет жениться на ней, а она не даёт согласия, папа ждёт. Потом ему ждать надоело, и он сказал мне: «Пойди и сосватай Клавдию Фёдоровну!» Мы пошли со сводной сестрой, она старше меня на семь лет. Сестра одела меня в чей-то пиджак, длинный до полу, опоясала веревкой, концы тоже висят до полу. Не знаю, что на голове и ногах. У меня не было своей одежды. Мы пришли в клуб днём, Клавдия Фёдоровна была занята, разговора не получилось.

На следующий день мы снова пошли вдвоём, разговаривала с невестой сестра. Получила отказ. Папа узнал об этом, помрачнел и с нами долго не говорил. Молчал о сватовстве несколько дней. Потом, когда мы с ним были дома одни, он сказал мне: «Если не высватаешь Клавдию Фёдоровну, я застрелюсь!» Я пришла в ужас! У папы было охотничье ружьё! Представилась картина папиной смерти, и мне стало жутко и страшно! Я любила своего папу безумно, всегда спала с ним, когда он ночевал дома. И он любил меня, я это знала. И я решила, во что бы то ни стало, идти и высватывать невесту для папы.

Я не подозревала, что она будет мне мачехой, причём злой!

Не очень рано, под вечер, дома никого не было, я оделась в прежний костюм, в котором дважды уже ходила в клуб, и пошла. Клуб находился в другом конце улицы. Были даже голые проталинки, маленькие лужицы. В клубе как раз кончился какой-то самодеятельный спектакль, и артисты, среди них были знакомые лица, отмечали это событие. В коридоре составили много столов, один к одному, накрыли скатерти и уселись вокруг. На столе стоял большой самовар, множество тарелок с угощениями, бутылки, рюмки. Там уже было весело. А наша невеста прислуживала гостям, подносила блюда, наливала чай. Я сперва тихо смотрела из-за приоткрытой двери.

Я ужасно боялась людоедов, о них я была слышана много от старших, из сказок. Я пришла в ужас, решила, что меня непременно съедят! Но и папу надо спасать! Я набралась смелости и шагнула от двери ко Клавдии Фёдоровне. Но страх вновь овладел моим сердечком, я затряслась и завопила громко, всех перепугала. Наступила тишина, и в этой тишине я, захлёбываясь, нараспев, обратила ко Клавдии Фёдоровне мою мольбу, чтобы та вышла за него замуж, а то он застрелится! Папина избранница подошла ко мне, взяла меня за подмышки и понесла к столу. Теперь – обязательно съедят – решила я и затрепыхалась, вырываясь из рук и вопя, что есть силы! Она поставила меня на конце стола, возле самовара, я, потом сказали мне, даже почернела от крика и страха. А она говорит, обращаясь к сидящим, что пришла к ней сваха, вот эта, самая маленькая, третья дочь моего жениха. Снова поднялся смех, меня стали передавать из рук в руки, рассматривать, расспрашивать, а я не могла успокоиться, редела и спрашивала: «Вы не будете меня есть?» Мне совали конфеты, пряники. Я толкала их в карманы, но всё оглядывалась, боясь подвоха. Я ведь была запечный таракан, дома всё сидела на печи, на людях не бывала, всех боялась. А тут такое от папы задание получила, дело жизни и смерти! Потом пирующие стали уговаривать Клавдию Фёдоровну выйти замуж за моего папу: «Выходи, выходи за Михаила Максимовича, дом большой, мужик работающий, мастер, хозяйка будешь. Девочки все большие, помощницы». И все трепали меня и смеялись. И Клавдия Фёдоровна при всех сказала мне: «Иди и скажи папе, что я согласна». Я стрелой выскочила из

клуба, бегом примчалась домой, с порога крикнула папе, что Клавдия Фёдоровна выйдет за него замуж! Не стреляйся! В заключение я сказала ему, что у неё нос – вот тут тоненькое, я показала на свой кончик носа, а вот тут – ткнула пальцем в основание носа – широко! А ещё сказала папе, что Клавдия Фёдоровна высокая, и здесь широко – я указала на свои бёдра. Папа поцеловал меня, и мы стали готовиться к свадьбе.

Пакля и мои волосы

Я училась в третьем классе. Мне десять лет. Пришли первые зимние холода. Кама замёрзла. По льду ходили и ездили в Усолье, что на другом берегу Камы. Дедюхинские бабы, а с ними и моя мачеха, узнали, что в Усолье, на судоверфи, дают старые, толстые, изработанные канаты, не годные для прямого их назначения. Брали их для растеребливания на дому, превращая в пышную куделю, паклю. Паклей что-то там конопатили. Канаты рубили на доступные куски, метра в полтора, взвешивали. Бабы побежали с санками в Усолье. Вечером мачеха пришла с полным возом этих канатов. Они были в хорошую жердь толщиной, чёрные, липкие, сплошь в смоле. Я ещё не знала, что это работа – для меня.

Мачеха заказала папе сделать специальное приспособление, удобное, чтобы растеребливать нити. Канат состоял из множества перекрученных толстых нитей. Папа сделал к следующему вечеру. Я пришла из школы, переделала уйму мачехиных поручений, ближе к полуночи мачеха усадила меня на папино изделие за работу. Изделие состояло из двух досочек, соединённых под прямым углом. На один конец усадили меня, к другому, что торчал вверх, привязали распаренный в печи отрезок каната. Мачеха показала мне, как надо распушить нить, растеребить её в мягкую, пушистую массу, куделю, иначе говоря – паклю. Две-три нити мачеха распушила, я сразу же поняла, как это делается и с интересом принялась работать. Мачеха ушла спать. Мне понравилось занятие, канатные нити были влажные, тёплые, вкусно пахли смолой, хорошо пушились. Одно было неприятно, смола липла на руки и мешала движению пальцев. Приходилось часто бегать к умывальнику, мыть руки. Я так увлеклась новым делом, что не заметила в окне рассвет. На следующий вечер моя обязанность, а это уж так и получилось, что стало моей обязанностью, ждала меня. Так и пошло, до самой весны. Мне надоело бегать мыть руки: как только смола начинала стягивать пальцы, я плевала в ладони и, догадавшись же, вытирала их о свои же волосы. Хорошо! Не надо бежать к умывальнику! Что стало с моими волосами, можете себе представить! Утром мачеха будила меня рано, не глядя на то, что я засиживалась за работой почти до рассвета. У неё всегда была масса дел для меня. У одной соседки попросить квасной гущи, у другой занять три луковицы, сбегать за хлебом, вымыть пол. Мне было уже не до волос. Расчесать я их не могла, так и убегала. Училась я хорошо. Была первой ученицей.

За мою причёску учительница стала пенять мне: «Что с твоей головой?» – спрашивала она, а я не понимала – что с ней? В зеркало не смотрела, за красотой не следила, а что смола склеивает волосы, и как я выгляжу – не доходило до меня. В конце концов, я до того засмолила волосы, что их и в бане не могли отмыть! Пришлось с волосами расстаться! Остригли меня! А были у меня красивые, густые пепельного цвета кудри. Бывало летом идём с подружками от реки, с купания, встречные восклицали, глядя на меня: «Барашек! Какой барашек!» А я и того не понимала, что люди дивились красоте моих кудрей! Но все равно, хотя и стриженная, я до самой весны, пока Кама не освободилась ото льда, пока мачеха привозила канаты, работая, вытирала ладони о свою злосчастную головушку! Мачеха сдавала мою куделю по первому сорту! Но сколько я заработала денег, я не знала, только к следующему учебному году, к четвёртому классу мне сшили пальто на вате, из синего малестина, это почти сатин, только чуточку потолще. Сшили платье и купили ботинки. Мачеха всем соседкам говорила, что это на заработанные мною деньги, и показывала обновки.

Только учительница всё охала, глядя на мою голову. Подошли летние каникулы. Я с нетерпением ждала начала учебного года, чтобы прийти в школу в обновках. К моему несчастью, в самый праздник, Ильин день, это в августе числа седьмого, я тяжело заболела, и в четвёртый класс пришла только во второй половине ноября месяца.

Меня не радовали мои обновки, я еле-еле переставляла ослабевшие ноги. А одноклассники встретили меня криком изумления: «Шкелет, шкелет пришёл!» Они уже ознакомились со скелетом человека.

Обманула муху

Я первое лето посещаю детский сад. Прошла через большой скандал, прежде чем прижилась к детсаду. Не желала туда ходить! Но вот уж и лето на исходе, я хожу в детский садик одна, меня уже не провожают из дому, верят мне. И не встречают вечером, хожу хорошо, мне даже там понравилось. Я общаюсь со сверстниками, все ребята мои одногодки. Но я оказалась единственная, знающая грамоту. Бойко читаю, хорошо рисую. Мои рисунки стали вывешивать на стенку, для показа. Воспитательница часто поручала мне занимать детей, когда ей нужно было заняться чем-то своим. Даст мне книжку со сказками, или с рассказами, я сажусь, вся моя группа усаживаются вокруг меня.

Я читаю, и меня внимательно слушают, у нас полный порядок! Я стала любимицей у начальства. На свои торжества, по каким-то их случаям, меня стали оставлять, для их увеселения: я пела им и танцевала. Мной даже домашние стали гордиться! Всё в детском саду мне стало нравиться. Особенно, когда воспитательница мне одной из всех давала бумагу, краски и какой-нибудь рисунок, чтобы я его скопировала. У меня это очень хорошо получалось. Я начала работать, а мои сверстники стояли возле, склоняясь ко мне и следя за каждым движением моей руки. Никто не завидовал, все уважали меня, понимая, что я много умею и знаю. Все мои друзья по группе пришли в детсад раньше меня, а я целый месяц скрывалась от домашних, будто ходила в садик, а сама где-нибудь пряталась до вечера и сидела там голодная, пока меня не разоблачили и снова не привели в группу. И я прижилась.

Осень стояла сухая, солнечная. Все ребяташки моей группы жили близко у детсадика, несколько человек в другом конце, не там, где жила я. И почти от самого садика я шла вечером домой одна. Потому мне и удалось прятаться целый месяц, чтобы не быть в детсаду. Сама не могу понять, почему? И стала на меня по дороге домой нападать маленькая, назойливая муха. Лезет в глаза, в рот, спасу нет от неё, идти невозможно! Одна ли то была муха, или разные, но не две, не три разом, а только одна и отбою от неё нет! Нарву травы, сделаю венчик, отмахиваюсь, отмахиваюсь, кручу головой! А она в рот, в глаза! И казалось, что ждёт меня у самой двери, чтобы прицепиться ко мне до самого дома. И у меня созрел план, как избавиться от мухи!

Вечером я вышла из дверей детсада, муха уже меня ждёт! Я спокойно пошла, не отмахиваясь от неё. Иду по улице – муха со мной! Тихонько дошла до маленького проулочка, по которому раньше не ходила, и одним прыжком – туда! Постояла, подождала, что сделает муха? Кинется ли за мной, или потеряет меня? Она меня потеряла! Я спокойно дошла до дому, глазам, лицу было свободно, не нужно было мотать головой, щуриться! Я ликовала: обманула, обманула муху! Я теперь каждый день так и делала. Подходила к проулочку, рывком, хотя муха уж и не преследовала меня, заскакивала в проулок и уже спокойно шла до самого дома. Я так поверила, что обманула муху, всем о своей хитрости рассказала, никто не оспаривал моей победы. Мне было шесть лет, я верила, что перехитрила муху!

Петля над полом

Мне не было и четырёх лет. Я находилась в глупеньком возрасте, таком же и состоянии ума. Всё мне казалось занятным, интересным, всё возбуждало любопытство. Жизненные заботы ещё не навалились, родители оба были рядом. Голод скалил зубы где-то вдали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.